

всепи́рная исто́рия в рома́нах

Геннадий ЛЕВИЦКИЙ

ХИТОН ПОГИБШЕГО НА КРЕСТЕ

Всемирная история в романах

Геннадий Левицкий

Хитон погибшего на кресте

«ВЕЧЕ»

2017

Левицкий Г. М.

Хитон погибшего на кресте / Г. М. Левицкий — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7034-9

После казни преступника его одежда доставалась палачам. Но... был распят необычный человек, и все связанное с основателем мировой религии имело свою бесконечную историю. Иудейский хитон Спасителя не стал исключением. Перед читателем предстает Иудея во времена судьбоносных для человечества событий, он увидит гибель величайшего города планеты – Иерусалима – своеобразную расплату иудеев за желание видеть Иисуса на кресте. Понтий Пилат – один из самых известных библейских персонажей, и в романе он главный герой. Роль прокуратора в казни Спасителя и дальнейшая его судьба прослеживаются в романе с использованием сведений древних авторов и апокрифов.

ISBN 978-5-4484-7034-9

© Левицкий Г. М., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Об авторе	6
От автора	8
Как цените отцов своих?	11
Милость Тиберия	14
Иудея	21
Иерусалим	23
Танец Саломеи	29
Слепые прозревают	33
Еще один ненужный пророк	35
Суд Пилата	40
В плену традиций	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Геннадий Левицкий

Хитон погибшего на кресте

© Левицкий Г.М., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Геннадий Михайлович Левицкий

Об авторе

Геннадий Михайлович Левицкий родился 13 декабря 1963 года в Белоруссии. Видимо, план по рождаемости в тот год выполнили, и в метрике поставили другую дату рождения: 1 января 1964 года. Такое уж было время: все жили по плану. И почему появление человека на свет должно быть исключением?

В 1982–1984 годах служил в ГСВГ (Группа советских войск в Германии) механиком-водителем танка Т-80. Через два года поступил на исторический факультет Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. Дипломную работу защитил по теме «Включение западнорусских земель в состав Великого княжества Литовского» с оценкой «отлично» и в 1992 году получил диплом историка.

Решив начать свой бизнес, занялся пчеловодством – пасеку в четыре десятка пчелосемей держит до сих пор, несмотря на то что в жизни и творчестве меняются интересы и предпочтения.

Львиную долю свободного времени Геннадий Левицкий посвящает истории – мудрости тысячелетий. «Изучение ее незамысловатых сюжетов, – считает писатель, – помогает избежать многих ошибок современности, поскольку желания, мысли и стремления человека существенно не изменились на всем его пути от каменного века до века компьютерного».

Свои основные предпочтения Геннадий отдает Риму – здесь, по собственному признанию писателя, его увлекает всё: «История Рима переполнена необыкновенными событиями, блистательными победами и колоссальными поражениями; любопытны биографические сведения римских граждан, взрастивших небольшой городок в Лации до статуса мировой державы; интересны его государственное устройство и военное дело – и в них исключительно римские особенности, которые дали право государству считаться долгожителем в беспокойном мире».

Древним Римом отнюдь не исчерпываются пристрастия Левицкого. Предметом его интересов периодически становятся отколовшаяся половина Римской империи – Византия и Великое княжество Литовское, Македония и Россия. . . Есть одно хорошее правило: хочешь изучить вопрос – напиши книгу. И автор с профессионализмом историка и азартом увлеченного человека досконально анализирует все доступные источники, прежде чем закрытый вопрос превратится в литературное произведение.

Жизненное кредо Геннадия Левицкого – кормить должно любимое дело; не стоит выполнять работу, к которой не лежит душа, – даже заработанные большие деньги не принесут морального удовлетворения.

В своих произведениях автор часто обращается к библейским сюжетам, но любит повторять одну современную притчу:

«Одного миллионера, из тех, кто нажил состояние своим трудом, а не получил по наследству и не выиграл в популярную лотерею, как-то спросили: “Сколько часов в сутки вы работаете?” “Да что вы?! – воскликнул тот. – Я в своей жизни не работал и часа. Я занимался любимым делом”».

В 2009 году московское издательство «Энас» выпустило первую книгу Геннадия Левицкого – «В плену страстей. Женщины в истории Рима». Она состоит из биографических очерков самых ярких представительниц слабого пола, что пришли к нам сквозь толщу тысячелетий со страниц манускриптов.

С тех пор ежегодно одна-две рукописи обретают бумажную жизнь в российских издательствах «Энас», «Феникс», «Ломоносов», «Вече».

Избранная библиография Геннадия Левицкого:
«В плену страстей. Женщины в истории Рима» (2009)

- «Рим и Карфаген. Мир тесен для двоих» (2009)
- «Александр Македонский. Гениальный каприз судьбы» (2010)
- «Гай Юлий Цезарь. Злом обретенное бессмертие» (2010)
- «Самые богатые люди Древнего мира» (2011)
- «Марк Кресе» (2012)
- «Ягайло – князь Литовский» (2013)
- «Великое княжество Литовское» (2014)
- «Византийский путь России» (2016)
- «Юлий Цезарь: между войной и любовью» (2016)

От автора

Роман о Понтии Пилате¹ мне предложил написать знакомый священник. Свое пожелание он мотивировал тем, что слишком мало простой и понятной литературы о библейских событиях. Я поблагодарил за совет, но не воспринял его серьезно. На то время мысли находились в других эпохах, другими были жизненные планы. Спустя некоторое время я вспомнил разговор со священником: идея уже не казалась такой безрассудной, но обстоятельства препятствовали ее материализации. Роман долгие годы оставался отложенной мечтой.

Иногда я вспоминал о Понтии Пилате; впрочем, больше волновала мысль: почему люди отправили на крест Сына Человеческого? Не враги, не наемные убийцы, а те, среди которых он жил, творил добро... Я читал Новый Завет, Иосифа Флавия, древние апокрифы. Начать произведения все равно не получалось. Хотя обычно, когда изучаю вопрос, то делаю пометки, записываю возникшие мысли. Таким образом, у меня накопилось набросков для доброго десятка книг. Лишь о прокураторе Иудеи не появилось ни строчки.

Впрочем, следует признаться, главная причина была не в недостатке времени или желания. Останавливал банальный страх, который является грехом и которого стараешься избегать. Но неимоверно масштабная тема встала на пути автора, слишком судьбоносные для человеческого события предстояло описать в художественном произведении.

Личность Пилата – пятого римского прокуратора² Иудеи, правившего ею с 26 по 36 г. н. э., – одна из самых непонятных в истории. Он упоминается в канонической молитве: «И во единого Господа Иисуса Христа, ... распятого за нас при Понтии Пилате...» По логике нормального человека, не вникавшего в подробности евангельских событий, именно он является виновником гибели Сына Божьего, но Эфиопская церковь причислила Пилата к лику святых. По долгу службы он был обязан судить Спасителя, но не смог принять решения. Его поступок

¹ Понтий Пилат – где имя, фамилия, прозвище? Большинство людей воспринимает «Понтий» в качестве имени этого человека. Но это совсем не так. Личных имен (praenomen) у римлян исследователи насчитывают всего лишь 19. Вот они: Марк, Публий, Луций, Квинт, Гай, Гней, Тит – наиболее распространенные имена; Авл, Децим, Тиберий, Аппий, Нумерий, Сервий, Вибий, Мамерк, Постум, Секст, Вописк, Маний – имена, встречающиеся довольно редко. В 1961 г. во время раскопок в Кесарии археологи нашли обломок гранитной плиты с латинским текстом. Первоначально он состоял из четырех строк. Однако первые три строки сохранились лишь частично, а четвертая полностью стерта временем. Оставшийся текст гласил (в интерпретации А. Фрова – руководителя экспедиции итальянских археологов): «...Кесарийский Тибериеум... Понтий Пилат... префект Иудеи». Надпись свидетельствовала о том, что Пилат посвятил императору Тиберию культовое сооружение (Тибериеум). Судя по всему, стертое начало второй строки и хранило личное имя (praenomen) Пилата. Увы! Разгадка имени была близка, но не состоялась. Понтий – родовое имя (nomen). Оно, скорее всего, свидетельствовало о родстве со старинной влиятельной самнитской фамилией. Пилат – семейное прозвище (cognomen). Оно присваивалось ответвлениям рода. Первоначально когномен был индивидуальным прозвищем, данным когда-то одному из представителей рода. Затем он передавался потомкам и становился именем отдельной ветви рода. Первые семейные прозвища появились у патрициев. Поводом для них могло служить что угодно: род занятий, черты характера, особенности телосложения и т. д. Иногда прозвища были довольно обидны: Бубулк – волопас, Катон – хитроумный, Брут – туповатый, Красс – толстый, Цинциннат – кудрявый, Цицерон – горох. Некоторые считают, что прозвище Пилат произошло от названия римского метательного копья – пилум (pilum). В надписи на гранитной плите указывается должность Понтия Пилата, как префекта, но Тацит называет его прокуратором Иудеи, Иосиф Флавий – правителем (игемоном) и наместником.

² Прокуратор – первоначально, в республиканском Риме, домоправитель, или доверенное лицо римлянина в судебных и коммерческих делах (обычно из числа вольноотпущенников). В императорскую эпоху эта должность получила самое разнообразное значение, и оно неизмеримо выросло. Прокураторами назывались управляющие крупными имениями; государственные чиновники, ведавшие сбором налогов в больших провинциях, либо возглавлявшие небольшие провинции или области. Прокураторы могли стоять во главе финансовых или хозяйственных ведомств. Прокураторам высшего ранга поручалось управление небольшими отдаленными провинциями, например, Каппадокия, Реция, Норик, Фракия, Мавретания. Иудея считалась областью римской провинции Сирия, и ее прокуратор, соответственно, подчинялся сирийскому наместнику. Срок прокураторства не ограничивался временными рамками, причиной отставки часто являлись немилость принцепса либо смерть должностного лица. Жалованье прокураторы получали из казны. Всего насчитывается 14 прокураторов Иудеи, правивших между 6 и 66 гг. н. э. Понтий Пилат находился у власти довольно продолжительное время – с 26 по 36 гг.

можно было бы назвать мудрым: он передал свое право народу, к которому и принадлежал обвиняемый – сейчас бы сказали: вынес вопрос на референдум. Но глас народа – не есть глас Божий. И остаток жизни ему пришлось страдать из-за своего малодушия. (Собственно, привычное упоминание Пилата в молитве, это вовсе не обвинение, а констатация факта, что в правление именно этого прокуратора был казнен Иисус из Назарета.)

Евангелисты утверждают, что Пилат искренне пытался спасти Сына Божьего от казни на кресте, его жена также пыталась вступить за Праведника. Но иудейский философ Филон Александрийский оставил нам совсем нелестный портрет прокуратора Иудеи: он «свирепый и упрямый», «жестокий и гневливый»; Пилат боится, что иудеи раскроют «в Риме все его преступления, продажность его приговоров, его хищничество, разорение им целых семейств, и всех совершенных им постыдных дел, многочисленных казней лиц, не осужденных никаким судом, и прочих жестокостей всякого рода». Апокрифы также не однозначны в определении виновных за казнь Спасителя: чаша весов колеблется между иудеями и Понтием Пилатом.

Со временем все чаще появлялось желание написать роман о людях, стоявших у самых истоков мировой религии. Однако множество проектов продолжало отодвигать Пилата в дальний угол, находился любой предлог не заниматься этой темой. Пилат был гигантским дымящимся вулканом, который манит, но в то же время и пугает. Была закончена долгая кропотливая работа по теме Великого княжества Литовского. На следующий день планировалось приступить к другой давно отложенной рукописи, которая более чем наполовину была готова. С вечера забросил на съемное устройство множество материалов. (Утром уезжал на некоторое время из дома – и была возможность поработать над книгой, не отвлекаясь ни на что.)

Прибыв на место, запустил ноутбук, вставил съемное устройство и... практически полная пустота. Накануне антивирусная программа показала, что на съемном устройстве обособились вредоносные объекты. Они были нейтрализованы, и я успокоился, – как оказалось, напрасно.

Исчезли сотни и сотни документов, все материалы по только что законченной книге, все по той, что собирался писать (включая рукопись), наброски последующих проектов. Не было ни малейшей возможности вернуться домой и все копировать с компьютера. Доступа к Интернету не имелось. В раздумье перебрал те жалкие единицы документов, что уцелели после виртуального торнадо.

Остались мемуары барона Гилленкрока, генерал-квартирмейстера Карла XII, взятого в плен под Полтавой. Они любопытны, но в тот момент меня не интересовали. Сохранилась моя переписка. Я почти с радостью открыл ее, надеясь подготовить ответы своим корреспондентам, и таким образом с пользой истратить случайно появившееся свободное время. Разочарование снова постигло меня. Оказались только письма, на которые уже отправлены ответы, хотя я помню, что вчера забирал с почты и те, которые планировал отписать.

И наконец, остался фильм «Мастер и Маргарита», который брат на днях скопировал. Включил. Вначале все было хорошо, проехал злополучный трамвай, потом при хорошем звуке начало тормозить изображение. Вскоре на экране лишь изредка менялись картинки. (Чуда здесь не было никакого, так как старенький ноутбук фильма уже не тянул; сей аппарат использовался мною исключительно для чтения и письма, – в местах, где рисковать новым суперсовременным компьютером не хотелось.) Смотреть заторможенное действие не имело смысла, но фильм напомнил мне о Понтии Пилате. Вот таким сложным способом обстоятельства привели меня к римскому прокуратору, и ничего иного не оставалось.

С внутренним трепетом я начал размышлять о далеких событиях, и случилось чудо. Целые эпизоды возникали с поразительной скоростью, картинки менялись, словно в калейдоскопе из далекого детства. Огорчало лишь одно, что не успеваю записывать события, происхо-

дившие прямо перед моими внутренними глазами. Я даже старался поменьше думать о сюжете из боязни увидеть что-то из тех далеких времен и, не успев запечатлеть в тексте, забыть.

Пришло время Понтия...

Как цените отцов своих?

Сирийская провинция была присоединена к Риму знаменитым Помпеем Великим в 64 г. до н. э. Население ее смирилось со своей участью и не доставляло особых хлопот Риму... Хотя оба народа презирали друг друга. Римляне называли жителей богатой густонаселенной провинции варварами, ни мало не смущаясь тем, что у провинциалов (греков и семитов) культура была выше и древнее римской. Сирийские торговцы успешно соперничали с римскими купцами; до берегов Тибра добрались сирийские божества, завоевавшие немало латинских душ. Впрочем, если сравнения шли не в пользу Рима, народ-победитель, не прибегал к ним. Он утверждал свое культурное превосходство привычными безапелляционными и лаконичными фразами: например, римский легионер оставил на скале в Сирии надпись «Сирийцы – дурной народ».

Сложнее обстояли дела с Иудеей. Она сравнительно недавно (6 г. н. э.) была присоединена к Риму и в качестве управителя получила римского прокуратора, который подчинялся сирийскому наместнику.

Иудея не забыла времена, когда была независимой от Рима, и не оставляла надежды вернуть самостоятельность. Достаточно небольшого повода, и край начинал волноваться, словно море, разбуженное порывом ветра. Впрочем, до шторма – во времена первых прокураторов – дело не доходило. Наиболее непримиримые противники римского владычества объединялись в небольшие отряды. Они попросту разбойничали – как на своей территории, так и проникали в соседнюю Сирию. Один из таких отрядов несколько месяцев держал в страхе западное сирийское пограничье. Его предводитель Бар-Симон слыл неуловимым удачливым мстителем. Разбойничий отряд постоянно увеличивался, грозя вырасти до размеров армии. Наместник Сирии направил против Бар-Симона одного из своих легатов – римского всадника Понтия Пилата.

Около месяца с поистине римским упорством гонялся Пилат за везучим разбойником, но всегда его легионеров встречали только дымящиеся головешки сожженных деревень. Поймать разбойника стало делом чести для легата, обратное грозило обрушить его начинавшуюся карьеру. И вот однажды к нему привели перебежчика, у которого Бар-Симон отнял богатую добычу. Озлобленный иудей желал любой ценой отомстить предводителю. С его слов стало известно, что разбойничий отряд в одну из ближайших ночей собирается напасть на город Ермон.

Не слишком доверяя словам предателя, Понтий Пилат тем не менее уцепился за этот призрачный шанс. Ускоренным маршем римские когорты устремились к названному городу. Пилат не стал входить в Ермон, так как понимал, что лазутчики Бар-Симона немедленно донесут ему о прибывшем подкреплении, и это заставит мятежников отказаться от своих планов.

Римляне разместились в ближайшей деревне. Жителям Пилат запретил покидать дома до тех пор, пока на постое находились легионеры. И даже своим воинам он приказал в дневное время не показываться на улице. Так прошло два дня. На третью ночь разведка донесла, что войско Бар-Симона, безжалостно уничтожая встретившихся на пути людей, вошло в сады Ермона и затаилось.

Мятежники отдыхали и ждали рассвета, чтобы напасть на город. Понтий Пилат обрушился на них ночью, когда большинство врагов спало самым крепким сном. Спросонья разбойники не могли даже понять, что творится в темноте. А легионеры Пилата за время марша успели привыкнуть к ночному мраку и теперь методично уничтожали врагов.

По истощным воплям товарищей подчиненные Бар-Симона поняли, что их бьют, и принялись выбираться из злополучного сада. Подобными действиями они лишь усугубили свое положение: деревья служили естественной преградой и мешали римским легионерам сражаться правильным строем. Теперь выбравшихся в поле разбойников ничто не защищало. Под-

нимавшаяся на востоке заря осветила полных решимости римских легионеров и сбившееся в толпу поредевшее израненное воинство Бар-Симона.

Отряд мятежников оттеснили в пустыню, и легионеры плотно сомкнутым строем рубили их размеренно и неторопливо. Когда иудеи осознали свою обреченность, десяток всадников отделился и, покинув прочих собратьев умирать, устремился в сторону ближайших гор.

Почти всех разбойников перебили, только пятнадцать человек были взяты в плен. Наибольшую досаду Понтия Пилата вызвало то обстоятельство, что Бар-Симон бежал. Даже небывалая победа не радовала легата.

Он задал вопрос пленным: где может скрываться их предводитель?

Ответом было лишь молчание.

– Если выдадите главаря, я сохраню вам жизни и верну свободу, – пообещал Пилат. – В противном случае вы умрете медленной и мучительной смертью на крестах. Для чего укрывать того, кто предал вас, обрек на верную смерть, кто позорно бежал к своим награбленным сокровищам? Теперь вы будете умирать страшной смертью, а он – развлекаться с вашими женами и сестрами.

Глаза иудеев горели ненавистью, похоже, собственная жизнь их мало интересовала, и в подлость вождя они не верили.

– Что ж, поступим по-другому, – легату пришла в голову свежая мысль.

Он вытащил из строя молодого иудея, почти мальчика, на лице которого увидел страх и нежелание умирать.

– Скажи, где искать Бар-Симона? Иначе ты умрешь первым, хотя и прожил на земле гораздо меньше своих товарищей.

– Клянусь, я не знаю, – залепетал объятый страхом юнец. – Я недавно в этом отряде. Прости, римлянин, я никого не убивал, ничего не сделал плохого.

– Хорошо, я верю, что ты можешь не знать логово Бар-Симона, – произнес Пилат. – Но оно наверняка известно твоим более опытным товарищам. Кто-нибудь желает спасти жизнь мальчишки?

– Прости, римлянин, я ни в чем не виновен, – захныкал молодой пленник.

– Увы. Твоя жизнь зависит не от меня, а от твоих собратьев.

Никто в толпе иудеев не шелохнулся, ни у кого на лице Пилат не узрел колебаний.

– Что ж, учитывая твою молодость и то, что ты не успел обогреть свои руки кровью невинных, я дарую легкую смерть, – произнес римский военачальник и обратился к стоящему за спиной: – Центурион Марк, ты умеешь убивать мгновенно. Окажи последнюю милость этому несчастному.

Громадный воин обнажил меч и медленно пошел в сторону приговоренного. Несчастный юноша побледнел, словно выбеленная тога сенатора, затем потерял сознание и грохнулся навзничь. Воин дал времени иудеям для размышлений, и не найдя у них желания спасти собрата, молниеносно вонзил меч в плоть. Затем деловито вытер окровавленное оружие о наряд безжизненного тела и отправил обратно в ножны.

Пилат в это время напряженно вглядывался в лица пленников, выбирая следующую жертву. Его внимание привлек седовласый мужчина, к которому пленники относились с нескрываемым почтением.

– Я убедился, что жизни своих сыновей вы ни во что ни ставите, посмотрим, как цените своих отцов, – произнес Пилат и указал мечом: – Приведите ко мне вон того старца, и пусть его смерть не будет столь легкой, как предыдущая.

По знаку легата пожилого иудея привязали к дереву, оголили спину и два легионера по очереди принялись махать бичами. После первых ударов тело покрылось алыми полосами, и заструилась кровь. Седовласый иудей молча выдержал четыре взмаха плеток, а на пятом выпу-

стил истошный вопль. С громкими стонами перенес еще десяток ударов и, наконец, безжизненно повис на дереве.

– Нет! – воскликнул Пилат. – Подожди умирать, старик. Твой конец только начинается.

Легионеры прекратили экзекуцию и поливали водой безжизненное тело до тех пор, пока оно не начало шевелиться.

– Пусть свежие раны побудут кормом для мух, а затем продолжим.

Насекомые и действительно, словно по команде легата, облепили окровавленную спину старика. Он пытался шевелиться в разные стороны, но движения привязанного к дереву человека нисколько не отпугнули всякую летающую мерзость.

– Я скажу, – вдруг раздался голос из толпы иудеев.

Пилат обратил взор к пленникам, пытаясь определить человека, произнесшего нужные долгожданные слова. Это ему удалось без труда, потому что в следующее мгновение один иудей с криком «Не успеешь!» принялся душить другого. Благо легионеры были столь же скоры. Они расцепили руки, сжимавшие горло, и несколькими ударами свалили нападавшего. Затем вытолкали из толпы изъявившего желание говорить и поставили его пред легатом.

– Слушаю тебя, благоразумный человек, – с трудно скрываемой надеждой промолвил Пилат.

– Мой отец останется жив? – спросил мужчина хриплым голосом.

– Конечно. Я же обещал.

– И все пленные будут отпущены на свободу? – вновь спросил иудей, растирая руками шею.

– Да, – вновь согласился Пилат. – Разве что, тот, который пытался тебя задушить... Выбери сам для него вид казни.

– Пусть и он получит жизнь и свободу, как все.

– Это твоё желание... Теперь ты скажешь, где искать Бар-Симона?

– Он прячется в пещере. Я покажу вам ее.

– Хорошо. Все пленники получают свободу, как только мы поймаем разбойника. А пока проводите их в городскую тюрьму, отца этого юноши разместите отдельно от всех, – распорядился Пилат и обратился к изменнику: – Ты получишь большую награду, если не соврал.

– Мне ничего не нужно. Только исполни свои обещания, римлянин.

Пленник не обманул. У подножия горы мирно паслись лошади, их сторожил один из бежавших разбойников. Охранника удалось поразить стрелой так удачно, что ни один лишний звук не потревожил окрестности.

Римляне столь же тихо проникли в пещеру с беспечно отдыхавшими разбойниками. В коротком бою все они были повержены. Раненого Бар-Симона схватили живым, как и хотел Понтий Пилат. Он был распят у городских ворот спасенного от разорения Ермона.

В тот же день пленные покинули темницу и побрели в сторону Иудеи, только старик, поддерживаемый сыном, направился прямо в противоположную сторону. Путь на родину для них был закрыт навсегда.

Через месяц безвестного всадника Понтия Пилата вызвал всесильный император Тиберий. Хотя доблестный легат не имел причин для опасений, внутренний трепет охватил его тело. Слишком противоречивые слухи ходили о повелителе римлян.

Милость Тиберия

Тиберий не был родным сыном предыдущего владыки Рима – Октавиана Августа. Он родился в семье, далекой от самой высокой власти, и только череда случайностей вручила ему мировую державу, можно сказать, насильно, против его воли. Главные причины этих случайностей: изощренный ум его властолюбивой матери – Ливии и любвеобильность Августа.

Отец будущего императора, Тиберий Клавдий Нерон, находился в стане политических противников Августа и долгое время скитался по миру с женой и малолетним Тиберием. После заключения в 40 г. до н. э. Брундизийского мира между Октавианом и Антонием, он, как и многие беглецы, получил амнистию и смог вернуться в Рим. Естественно, вместе с мужем поселилась в Вечном городе и блистательная жена – Ливия, которой Нерон так гордился.

Октавиан с первого взгляда влюбился в бесподобно красивую и обладавшую редкостным умом супругу недавнего противника. Он немедленно развелся с прежней женой – Скрибонией, якобы «устав от ее дурного нрава», и тут же предложил руку и сердце очаровательной Ливии. Октавиана не смутило то обстоятельство, что невеста находилась на шестом месяце беременности, имела мужа и маленького сына.

Вскоре после свадьбы Ливия родила второго сына. В народе много сплетничали по этому поводу, а одно выражение даже стало крылатым: «У счастливых дети рождаются через три месяца». Некоторые все же утверждали, что к рождению второго ребенка Ливии причастен Октавиан, но принцепс³ знал, что это не так. Ему нужна была только Ливия, а не ее дети: малолетнего Тиберия и только что родившегося Друза Август отослал в дом прежнего мужа возлюбленной и предпочел о них забыть. Однако у Ливии были иные планы относительно своих детей от первого брака...

Август непременно желал наследников родной крови. Общих детей у него с Ливией не появилось, беременность закончилась выкидышем. Принцепс, который никогда не отчаивался и находил выход из любой ситуации, обратил внимание на ближайших родственников.

«И здесь принцепса, – замечает историк В.Н. Парфенов, – удачливость которого вошла в поговорку (много позже новым императорам Рима традиционно желали быть “счастливее Августа и лучше Траяна”), постигает череда катастрофических неудач, постоянство которых заставляет видеть в них нечто большее, чем набор простых случайностей».

Сначала Август, как пишет Тацит, «возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом, а также курульным эдилом»⁴. Он женил племянника на своей единственной дочери от брака со Скрибонией и принялся ждать родных

³ Принцепс – в республиканском Риме так именовался первый в списке сенаторов, обычно старейший из бывших цензоров. Он имел единственное почетное право первым высказывать свое мнение по консульскому запросу. Первый голос часто являлся решающим, и принцепсы пользовались большим авторитетом. Почетное право первого голоса стало причиной трансформации значения этого слова в императорскую эпоху. Римский народ предоставил титул принцепса Августу и его преемникам. Собственно, титул не давал никаких прав или должностей и был лишь знаком уважения. Принцепс являлся по римским представлениям «первым гражданином», «самым выдающимся человеком в государстве». Зарождающаяся римская монархическая власть получила название «принципата Августа». Как пишет в словаре Уильям Смит: «Титул “принцепс” точно отражает характерные черты положения, занимаемого императором в системе Августа, положения, основанного не на занятии какой-либо высокой должности или, тем более, вновь созданной должности, но на том факте, что сенат и народ вручил определенные полномочия отдельному лицу, в силу чего он на какое-то время возвысился над равными себе по положению. Более того, это была позиция, создаваемая конституционными средствами для каждого обладателя поочередно и предполагающая открытое признание того, что свободное государство продолжает существовать». Поскольку римляне патологически ненавидели царскую власть, то первым разрушителям Римской республики пришлось наделять себя старыми титулами, со временем изменяя их значение. Постепенно, на протяжении многих столетий, принимались внешние атрибуты римской монархии, среди них «принцепс» был первым. Впоследствии от этого римского термина произошло слово «принц», которым именовались члены правящей монархической династии.

⁴ Курульный эдип – низший магистрат Римской республики. – *Примеч. ред.*

внуков. Вместо них предусмотрительный Август в 23 г. до н. э. получил известие о смерти Марцелла.

Следующий престолонаследный проект Август связал с ближайшим другом и сподвижником Марком Агриппой – человеком незнатного происхождения, но весьма талантливым военачальником. За него опять же выдали Юлию – дочь Августа.

На этот раз Юлия, к великой радости Августа, родила двух сыновей: в 20 г. до н. э. Гая, а через три года – Луция. Август немедленно усыновил своих внуков и начал всячески приобщать их к будущей высокой власти. Он, по свидетельству Тацита, «страстно желал, чтобы они, еще не снявшие отроческую претексту (не достигшие шестнадцатилетнего возраста), были провозглашены главами молодежи и наперед избраны консулами».

Пользуясь тем, что Август, наконец-то обретший наследников родной крови, находился в состоянии эйфории, Ливия начала продвигать собственных сыновей. После смерти родного отца они перебрались в дом отчима; далее своих пасынков – Тиберия Нерона и Клавдия Друза – Август наделил императорским титулом.

Радость Августа начала омрачаться постепенно – в 13 г. до н. э. умирает его зять Марк Агриппа. Тиберию было велено, как пишет Светоний, «немедленно вступить в брак с Юлией, дочерью Августа». Это был хороший знак; как только Юлия становилась вдовой, ее всегда выдавали замуж за человека, от которого Август ждал престолонаследника. Хотя на этот раз было бы странно оценивать брак с такой позиции: ведь у Августа уже имелись два усыновленных мальчика от Агриппы, а третий, Агриппа Постум, родился после смерти отца. Впрочем, когда наследством является Римская империя, никто не застрахован от случайностей. И они начнут случаться регулярно, нанося удар за ударом по проектам Августа и расчищая дорогу к трону тому, кого желала Ливия.

Чтобы жениться на «дежурной невесте» престолонаследной политики Августа, Тиберий вынужден был развестись с прежней женой, Агриппиной, «хотя они жили в согласии, хотя она уже родила ему сына Друза и была беременна во второй раз».

Естественно, новый брак не принес счастья молодым. Тиберий мечтал о прежней жене и отказывался делить ложе с Юлией, а она, в свою очередь, вспомнила о давнем любовнике Семпронии Гракхе.

Старшего сына Ливии не любил и Август; даже среди пасынков он предпочитал младшего – Друза. Вслед за императором и его дочерью Тиберия не любил весь Рим. Лишь один человек испытывал к нему противоположные чувства – именно материнская любовь и определила судьбу Тиберия.

Он беспрепятственно прошел всю карьерную лестницу – предел мечтаний любого римлянина. Должности квестора⁵, претора⁶ и консула⁷ Тиберий занимал раньше положенного срока, а спустя немного времени, получил второе консульство и трибунскую власть на пять лет.

Самое интересное, Тиберий вовсе не стремился к высшей власти. Более того, он ее боялся как огня, потому что знал, насколько опасно для жизни быть первым человеком в Риме. Но еще больше он боялся своей матери, а потому покорно шел наверх ведомый ее рукой. Лишь в один момент животный страх перевесил и перспективу стать наследником Августа и боязнь ослушаться матери.

В 6 г. до н. э. 36-летний Тиберий взбунтовался. В расцвете лет и сил, среди потока успехов, он неожиданно решает удалиться от дел – и как можно дальше. Античные авторы называют разные причины такого необычного поступка: желание оставить простор для подростков

⁵ Квестор – в Древнем Риме помощник царя при расследовании преступлений. *Примеч. ред.*

⁶ Претор – государственная должность в Древнем Риме, лицо, совершавшее городское правосудие по гражданским делам. *Примеч. ред.*

⁷ Консул – высшая выборная магистратура в Древнем Риме. – *Примеч. ред.*

внуков Августа, отвращение к навязанной жене – блудливой Юлии... Но действия Тиберия в последующие десятилетия говорят, что двигал им обычный страх оказаться лишним у подножья трона. А в этом месте лишние не умирают своей смертью.

По словам биографа Тиберия, «он просил отпустить его, ссылаясь на усталость от государственных дел и на необходимость отдохновения от трудов. Ни просьбы матери, умолявшей его остаться, ни жалобы отчима в сенате на то, что он его покидает, не поколебали его; а встретив еще более решительное сопротивление, он на четыре дня отказался от пищи».

Уже в пути неожиданно возникшее обстоятельство едва не изменило планов Тиберия. В Кампании его настигло известие о нездоровье Августа, который болел весьма часто и несколько раз был близок к смерти. Но желанного результата от недомогания отчима он не получил, а вместо него пошли слухи, что Тиберий медлит, ожидая, «не сбудутся ли самые смелые его мечты». Пришлось сыну Ливии продолжить путешествие; «он пустился в море почти что в самую бурю и достиг, наконец, Родоса».

Положению Тиберия на прекрасном острове не позавидовал бы и простой смертный. Когда он понял собственную глупость и попытался добиться разрешения повидать своих родственников, то «получил отказ: мало того, ему было объявлено, чтобы он оставил всякую заботу о родственниках, которых сам с такой охотой покинул». Но Ливия не оставила непутевого сына: она добилась, «чтобы для сокрытия позора он хотя бы именовался посланником Августа».

Впрочем, формальная должность была слабой защитой Тиберию. «Теперь он жил не только как частный человек, – пишет Светоний, – но как человек гонимый и трепещущий... Он забросил обычные упражнения с конем и оружием, отказался от отеческой одежды, надел греческий плащ и сандалии и в таком виде прожил почти два года, с каждым днем все более презираемый и ненавидимый. Жители Немавса даже уничтожили его портреты и статуи, а в Риме, когда на дружеском обеде зашла о нем речь, один из гостей вскочил и поклялся Гаю, что если тот прикажет, он тотчас поедет на Родос и привезет оттуда голову ссыльного – вот как его называли. После этого уже не страх, а прямая опасность заставили Тиберия с помощью матери неотступными просьбами вымаливать себе возвращение».

На восьмом году добровольной ссылки Ливии удалось добиться желанной милости для Тиберия. Однако ему было поставлено условие: не принимать никакого участия в государственных делах.

Недолго Тиберий оставался на покое, рок упрямо расчищал ему дорогу к величайшей власти. Не прошло и трех лет, как умирают полные сил усыновленные внуки Августа – Гай и Луций. Еще ранее погибает Друз, младший сын Ливии, которого Август явно предпочитал Тиберию. Теперь у императора не осталось выбора, и он поневоле обращается к нелюбимому пасынку.

«Август усыновляет его, – сообщает Тацит, – берет себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и уже не в силу темных происков Ливии, как прежде, – теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении».

Впрочем, Август раскаялся в своем поступке, когда его здоровье резко ухудшилось. В 14 г. н. э. он с одним только Фабием Максимом отправился на остров, где находился в заточении Агриппа Постум. Поездка была тайной даже от Ливии, с которой он всегда советовался, принимая важнейшие решения. Во время встречи деда с внуком «с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены свидетельства взаимной любви, отсюда возникает ожидание, что юноша будет возвращен пенатам деда».

Ливию совершенно не устраивал такой поворот в планах мужа. После поездки императора на остров скончался единственный его спутник – Фабий Максим. Вскоре умирает и сам Октавиан Август – 19 августа 14 г. н. э.

Смерть была столь своевременной, что подозрения опять пали на Ливию. Дион Кассий даже рассказывает о способе избавления от мужа, ставшего непредсказуемым. Август был непритворен в еде, но обожал фиги, причем имел привычку собирать фрукты с дерева собственными руками. О любви императора к «зеленым фидам второго сбора» упоминает и Светоний.

Ливия великолепно знала пристрастия мужа, ведь они прожили в браке пятьдесят один год. И вот, она помазала ядом фиги на дереве и во время прогулки покормила ими мужа из собственных рук. Ливия ела и сама, чтобы не возникло никаких подозрений, но только те плоды, что не были обработаны ядом.

Коль власть пришла в руки, Тиберий первым делом позаботился, чтобы никто не смог ее отнять.

Убийство Агриппы Постума стало первым его деянием. Причем ответственность самым кощунственным образом переложилась на умершего Августа. В народе пустили слух, что так распорядился Август, предписавший трибуну, приставленному для наблюдения за Агриппой, немедленно предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Мол, убийство внука необходимо ради безопасности пасынка и спокойствия государства.

Учитывая, что римляне единодушно не любили Тиберия, оставлять в живых прямого потомка рода цезарей было бы величайшей оплошностью. Не успел Тиберий занять место Августа, как взбунтовались самые боеспособные легионы империи. Мятеж на Рейне сумел предотвратить племянник Тиберия – Германик – и ему благодарностью будет ранняя смерть. Тиберий не терпел любого, кто имел отношение к императорской фамилии, обладал реальной властью и мог составить ему конкуренцию.

Римляне поняли, кто явился причиной смерти народного любимца – Германика. На стенах домов начали появляться недвусмысленные надписи, а по ночам раздавались тревожащие тишину крики: «Отдай Германика!», «Верни Германика!».

Вспомнил принцепс и о своей бывшей жене Юлии, которая шестнадцать лет томилась в ссылке. (Юлию осудил за разврат и прелюбодеяния сам Август; она была сослана на небольшой островок Пандерию. Остается только догадываться, кто хитроумно позаботился о том, чтобы слухи о ее любовных приключениях достигли ушей Августа.) Месть его была жестокой. Тиберий приказал умерить дочь Августа лишениями и голодом, «рассчитывая, что ее умерщвление останется незамеченным вследствие продолжительности ссылки».

Едва Тиберий более-менее разобрался с теми, в ком текла кровь обожествленного Августа, как появился некий Клемент, который выдавал себя за чудом уцелевшего Агриппу Постума. Когда Клемента схватили, Тиберий задал ему вопрос:

– Как ты стал Агриппой?

– Так же, как ты – Цезарем, – ответил тот.

Римляне были потрясены тем, как Тиберий разбирался с родственниками. Уважать его не стали, но бояться – несомненно. Впрочем, Тиберий в начале правления пытался развеять опасения насчет своей беспощадности и жестокости. На свою беду, ему это удалось: страх перед принцепсом стал покидать римлян, но уважения опять не прибавилось.

На первых порах Тиберий примерял на себя тогу добрейшего императора – причем для всех подданных, без исключения. Когда ему предложили для пополнения казны увеличить налоги в провинциях, принцепс ответил замечательной фразой: «Хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры».

Тиберий даже пытался вернуть республиканские традиции, которые долгое время искоренялись Юлием Цезарем и его преемником, но которые прочно жили в памяти народа.

Когда один из льстецов обратился к нему «государь», Тиберий счел это оскорблением римского народа и его лично:

– Я государь для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных.

Сенат по привычке предложил переименовать месяц сентябрь (июль и август уже были названы в честь его предшественников) в тиберий. Принцепс отказался и от этой чести, задав сенаторам вопрос:

– А что вы будете делать, когда у вас будет тринадцать цезарей?

«Он даже установил некоторое подобие свободы, – пишет биограф Тиберия, – сохранив за сенатом и должностными лицами их прежнее величие и власть. Не было такого дела, малого или большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату...»

«... и непочтительность, и злословие, и оскорбительные о нем стишки, – продолжает Светоний, – он переносил терпеливо и стойко, с гордостью заявляя, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль и язык».

Пытаясь покорить римлян своей добротой, приверженностью республиканским традициям, Тиберий с ужасом отметил обратный эффект: его по-прежнему не любили, вдобавок, с ним перестали считаться.

Однажды сенат голосовал, расходясь на две стороны. Тиберий присоединил свой голос к меньшинству, но никто за ним не последовал, никто не изменил своего решения.

В другой раз он хотел, чтобы деньги, завещанные на строительство театра в городе Тибрии, пошли на починку дороги, – и тут Тиберию отказали.

Доброта Тиберия длилась недолго, до тех пор, пока он не убедился, что править Римом можно, только опираясь на чувство, которое безраздельно владело им самим. То был страх... Получив высшую власть, этот человек – громадного (можно сказать, гигантского) роста, крепкого телосложения – стал опасаться всех и всего. При этом Тиберий обладал фантастической силой: пальцем левой руки он «протыкал свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши».

Тиберий не доверял решительно никому. Когда понтифик Либон проносил подле него жертвы, Тиберий, вместо традиционного жреческого ножа – железного, длинного, остроконечного – подал ему свинцовый. В другой раз понтифик попросил у него разговора наедине. Тиберий согласился, но при этом взял своего сына Друза, и, прохаживаясь, все время сжимал правую руку Либона, словно опираясь на нее.

Со временем маниакальная боязнь уничтожила все добрые начала в Тибрии. При малейшей подозрительности Тиберий уже не будет сжимать руку собеседника, на всякий случай он будет его убивать.

Понтий Пилат был поверхностно осведомлен о странностях характера Тиберия. Зная, что император слишком большое внимание уделяет доносчикам, наслушавшись рассказов о том, как благодаря завистникам отправляются в небытие люди, добившиеся успеха, Пилат все больше впадал в уныние. Вызов к императору после некоторых размышлений вызывал все больший трепет Пилата. Проконсул Сирии, как мог, успокаивал отличившегося легата: мол, по его сведениям, Пилата ждет награда за благополучно подавленный бунт. Наместник со своей стороны начал опасаться, что Пилат вместо Рима отправится в самые глухие места, к самым диким племенам, а отвечать головой придется ему.

Впрочем, опасения наместника были излишними; Понтий Пилат, как истинный римлянин, был готов исполнить любой приказ начальника, а тем более, императора. Но, если в республиканском Риме все исполняли порученное, не задумываясь о последствиях, и только, когда чести угрожала опасность – бросались грудью или животом на поставленный рукоятью

в землю меч, то после кровопролитных гражданских войн, римляне начали размышлять над смыслом приказа. Позволил себе поразмышлять и Пилат, перед тем как предстал пред очами Тиберия.

Пилат видел скульптурные изображения Тиберия, и в первые мгновения встречи был ошарашен – насколько оригинал отличался от мраморной копии. Его принимал сутулый старик огромнейшего роста, со столь же огромным римским носом, с лицом изрытым прыщами, в некоторых местах заклеенными пластырем, с лысым высоченным лбом и длинными волосами сзади. (Видимо, недостаток волос спереди принцепс стремился компенсировать растительностью на затылке, но зрелище получилось еще более уродливым, и никто не осмеливался разъяснить Тиберию реальную картину отвратительного имиджа.) Тиберий долго смотрел немигающим подозрительным взором на всадника и, лишь почувствовав страх в будущем собеседнике, попытался благожелательно улыбнуться. Получилось неважно: уродливая гримаса исказила лицо старика.

Пилат ожидал от вызова в Рим чего угодно: от наказания до награды, но услышанное от Тиберия сразило его напрочь. Принцепс назначил безвестного всадника прокуратором Иудеи. От неожиданности Пилат, вместо того чтобы выразить благодарность за оказанную честь, принялся всеми силами отказываться от высокой должности:

– Император, мое место среди легионов. Только там я смогу быть полезен Риму.

– Я знаю, дорогой Понтий, что ты великолепный боец и прекрасный командир. Но позволь мне решать, где твое место.

– Назначение слишком необычно для меня, – продолжал сопротивляться Пилат. – Император, я сомневаюсь, что справлюсь со своими обязанностями. Нельзя браться за дело, когда нет уверенности.

– Так обрети ее немедленно, – посоветовал Тиберий. – У тебя на это есть два дня. А затем в путь!

Пилат упрямо молчал, даже когда пришло время исполнить повеление императора. Он понимал, что вот-вот разозлит Тиберия, и тогда может случиться самое страшное. Но тут Пилат просчитался: своей непосредственностью, искренностью он убедил императора, что должность прокуратора обязана достаться именно ему. Тиберий даже позволил себе пооткровенничать с всадником, которого видел в первый раз:

– Поверь, доблестный Понтий, я бы не стал навязывать против твоей воли сию должность, на которую, кстати, имеется множество желающих. И более опытных в деле управления, чем ты.

Лицо Пилата самопроизвольно исказила гримаса удивления, и вместе с тем, суровый воин производил впечатление ученика, не вызубрившего заданную тему. В таком состоянии его нельзя было отпускать, и Тиберию невольно пришлось развивать мысль, причем делать это честно. Иначе невозможно было вселить веру в собственные силы в этого простодушного человека:

– Слишком мало у меня людей, которым я могу доверять. И лишь в твоей преданности мне и Риму не возникает сомнений. Не столь важно, хорошо или плохо ты исполнишь свои обязанности. Главное, в беспокойной провинции будет человек, которому я бесконечно верю.

– Императору не придется сомневаться в моей преданности, но ее мало для должности прокуратора Иудеи. Нужен опыт...

– Он у тебя есть, – прервал Тиберий Пилата. – Этот мятежный народ уважает только силу, а ты ее имеешь. Силу не совсем обычную – расчетливую, неотвратимую... У меня много военачальников, которые, не задумываясь, пускают в работу меч. Иной раз убивают ради развлечения, чтобы показать свою власть, или по привычке. Там нужно действовать иначе. Иудеев все эти гордецы не запугают, но лишь озлобят, – печально промолвил император. – Ты пока еще

сам не понимаешь, что идеально подходишь для этой провинции. Во время недавней войны ты показал пример мудрой жестокости, именно она необходима Иудеи.

Вдохновленный императором Пилат отправился к месту нового назначения с полной уверенностью, что справится со своей задачей. Он не придавал значения словам Тиберия о некоей исключительности народа, которым придется управлять, и лишь спустя несколько лет прокуратор Иудеи поймет их смысл.

Слова Тиберия вселили в Пилата веру в свои исключительные способности. Бедняга не понял, что Тиберий назначает на высокие должности людей отнюдь не блещущих талантами, и совсем не организаторские способности были высшим критерием. Провинции получали те, кто, по мнению принцепса, был не способен составить заговор, не способен на предательство.

Иудея

Последние две тысячи лет этот клочок земли привлекает внимание всей планеты тем, что здесь родился Спаситель человечества. Как ни парадоксально, с явлением Иисуса Христа связана радость надежды на спасение всего христианского мира, но с этим событием связаны и длительные разрушительные войны, на этом клочке земли сошлись различные цивилизации и мировые религии. Крестовые походы – одна из самых трагических страниц мировой истории; причем велись они за то, чего нет: за Гроб Господень, в котором нет ни тела, ни останков. Здесь, в Палестине, столкнулись христианская Европа и мусульманский Восток. Впрочем, место, на котором находятся святыни многих религий, всегда было в центре внимания планеты.

Земля эта не имела почти никаких достоинств, кроме своего местоположения – и оно, в географическом отношении выгодное, для населения имело более отрицательный эффект, чем положительный. Вот как описывает Иудею А. Менъ в связи с приходом на ее территорию очередного завоевателя – Помпея Великого:

«Палестина, или страна Израиля, по которой шли теперь когорты (Помпея) и где через сто лет должен был прозвучать голос Христа, расположена на перекрестке Европы, Азии и Африки, что делало ее яблоком раздора. Многие завоеватели на протяжении веков покушались на ее территорию, хотя она никогда не славилась особым плодородием или природными богатствами.

Эта небольшая полоса земли, протянувшаяся по берегам Иордана и Мертвого моря, включает всевозможные оттенки климата и рельефа. Недаром ее называют краем контрастов. Вечные снега лежат на вершинах израильских гор; зимой снег нередко выпадает даже на юге, а кое-где летом жара достигает почти тропической силы. Пальмы и гранатовые деревья, смоковницы и кипарисы соседствуют с зарослями орешника и ивняка; зеленые равнины чередуются с голыми скалистыми грядками».

Древнегреческий историк и географ Страбон (64–63 до н. э. – 23–24 н. э.) лишь подтверждает, что и две тысячи лет назад, и гораздо раньше земля Иудеи была столь же малопригодна для жизни:

«...Моисей убедил немалое число разумных людей и увел их вместе с собой в то место, где теперь находится поселение Иерусалима. Землей этой ему удалось легко завладеть, так как она была незavidного качества, и за нее никто не стал бы серьезно бороться. В самом деле, это скалистая страна, правда, обильная водой, но окрестные области бедны и безводны, а внутренняя часть страны на 60 стадий⁸ имеет каменистый слой под поверхностью почвы.

В то же время Моисей вместо оружия выставял вперед святыню и божество, которому он желал найти место для почитания; народу он обещал установить культ и священные обряды такого рода, чтобы те, кто принял его, не тяготились расходами, одержимостью божеством или другими нелепыми действиями. Подобными средствами Моисей снискал себе уважение и установил необычного рода власть, так как все окрестные народности охотно присоединялись к нему ради таких поучений и обещаний».

Так, с помощью Страбона мы перешли к вере древних иудеев. Ее главнейшее отличие состояло в том, что Бог был один. Несколько непривычно на фоне многочисленных богов соседних народов, но простота культа пришлась по душе народу. Бог Моисея не требовал дорогих статуй в металле, камне. Напротив, подобное запрещалось, и это не вызывало удивления даже Страбона:

«Кто, будучи в здравом уме, дерзнет создать изображение такого бога, похожее на какой-нибудь из окружающих нас предметов? Напротив, следует оставить изготовление всяческих

⁸ Стадий (греко-римский) – 176,6 м. – *Примеч. ред.*

изображений божества и, отделив священный участок и подобающее святилище, почитать его без изображения».

Ему не нужны были обильные жертвоприношения, он не требовал ритуальных убийств детей, как небожители соседних финикийцев; требования единого бога были очень умеренны, справедливы и разумны, его пожелания более несли пользу людям, чем требовали от них.

«Живущие воздержанно, – рассказывает Страбон, – праведной жизнью всегда могут ожидать от божества какого-нибудь блага, дара или знамения, но прочие пусть не ожидают ничего».

Нелегкая судьба периодически разбрасывала иудеев по всему миру. Они забывали родной язык, меняли одежду, привычки, города, страны, континенты, но лишь одно объединяло евреев, где бы они ни находились. «Каждый член любой иудейской общины ежегодно должен был посылать в Иерусалим одну дидрахму в виде взноса на храм; взнос этот поступал более правильно, чем государственные подати; каждый был обязан по крайней мере раз в своей жизни лично принести Ягве жертву на том единственном во всем свете месте, которое было угодно Ягве, – рассказывает признанный знаток Античности Теодор Моммзен. – Ни с чем не сравнимое стойкое сознание национального единства в том виде, в каком оно укоренилось в вернувшейся на родину общине изгнанников и затем породило... обособленность иудеев среди греческого мира, не ослабело, несмотря на рассеяние иудеев и раскол в их среде. Всего замечательнее то, что иудейство продолжало жить даже в кругах, порвавших с иудейской религией».

Все совершенное, все гениальное чаще всего просто, но эта простота почему-то толкает людей усложнить законченный предмет, опутать его ненужными украшениями, нарядить в пестрые одежды. Особенным рвением в этом отличаются люди, наделенные умом и властью. Этой категории почему-то кажется: все, что было до них, – не есть совершенно, именно они призваны доставить людям именно то, что им нужно, именно их деяния угодны Богу. Что из этого получается?

Вновь обратимся к современнику описываемых событий – Страбону:

«Преемники Моисея некоторое время оставались верны его учению, ведя праведную и истинно благочестивую жизнь. Впоследствии жреческая должность оказалась сначала в руках людей суеверных, а затем – самовластных. От суеверия пошло воздержание от некоторых родов пищи, от которых даже и теперь у них существует обычай воздерживаться; обрезание мальчиков и вырезание у девочек и некоторые другие обряды такого рода, установленные законом. Из тираний возникали разбойничьи шайки. Мятежники разоряли страны, как свою, так и соседнюю; другие же, действуя заодно с правителями, грабили чужое добро и подчинили себе значительную часть Сирии и Финикии. Тем не менее они сохраняли известное уважение к своему главному городу, так как не чувствовали к нему отвращения как к местопребыванию тиранов, но чтили и уважали его как святыню».

Иерусалим

В 26 г. н. э. Понтий Пилат прибыл в Кесарию. Древний приморский город до римского владычества носил название Стратонова Башня. Во времена гражданских войн римский военачальник Антоний, в числе прочих земель, подарил его любовнице – знаменитой египетской царице Клеопатре. Впрочем, Клеопатра недолго пользовалась подарком, после судьбоносной битвы при Акции, она и Антоний лишились всего, включая жизни.

Октавиан Август передал город царю Ироду, а тот в благодарность переименовал Стратонову Башню в Кесарию (в честь императора – кесаря). Ирод обнес город мощной стеной, благоустроил порт – что способствовало росту торговли, и как следствие, процветанию Кесарии.

Город стремительно заселялся чужеземцами со своими привычками, традициями и своими богами; вскоре иудеи составляли едва ли половину его населения. Прекрасно укрепленный для защиты от внешних врагов, он стал рассадником разноплеменных конфликтов внутри собственных стен. Город требовал силу, способную навести порядок, и она явилась. В 6 г. н. э. Кесария становится резиденцией прокуратора Иудеи.

Иудея для Рима всегда оставалась непонятной и от этого тревожной территорией. Даже всемогущий Тиберий не мог смотреть со своим традиционным презрением на эту далекую землю, не отличающуюся размерами и значением в огромном римском мире.

Несвойственные императору опасения Пилат запомнил из разговора с ним. Прокуратору захотелось сделать эту провинцию понятной, предсказуемой, а значит, покорной; он страстно мечтал отличиться перед Тиберием. Накануне зимы Понтий Пилат оставил половину когорт в Кесарии, с остальными перебирался в Иерусалим.

Прокуратор поселился в одном из великолепнейших дворцов Ирода Великого и скромно поименовал его преторием – так в римском лагере когда-то во времена республики называлась палатка военачальника. Снаружи резиденцию опоясывали мощные стены. Внутри просторные помещения были обставлены с изысканной роскошью, сохранившейся почти нетронутой со времен могущественного восточного владыки. Казалось, даже стены дышали здесь царской властью, и, не отличавшийся знатностью, обычный римский всадник Понтий Пилат с жадностью впитывал исходящий запах могущества и богатства. Избранное место пребывания толкало прокуратора на великие поступки – достойные прежних обитателей дворца.

По прибытии в Иерусалим Пилату захотелось сразу же совершить действие, которое вызвало бы страх у иудеев. А страх и уважение в его понимании были где-то рядом. По крайней мере Пилат знал точно, что слабого правителя уважать никто и нигде не будет. Еще больше ему хотелось отблагодарить императора, столь лестно отозвавшегося о способностях нового прокуратора Иудеи.

Несчастный задумал установить в самых значимых местах Иерусалима щиты с изображением Тиберия. И вот требуемое количество штандартов изготовлено лучшими греческими мастерами. Пилат во главе трехсот легионеров отправился исполнять свой замысел. Первый щит он решил укрепить вблизи многострадального иерусалимского храма.

Народ по пути с молчаливым ужасом взирал на лики Тиберия, которые с почетом несли легионеры на вытянутых ввысь древках копий. За римским отрядом стали брести толпы иудеев разного пола и возраста, превращаясь по пути в огромное людское море.

На храмовой площади была выбрана стена самого красивого дома. Пилат послал легионеров укрепить на ней щит.

Воины поднесли к намеченному месту лестницу приличной длины, захваченную с собой с римской предусмотрительностью. И вот два легионера принялись карабкаться вверх. И тут евреи поняли замысел своего прокуратора. Толпа ахнула, и множество людей рванулось к стене. В мгновение ока был оттеснен командовавший центурион с окружавшими его воинами.

Лестница зашаталась, карабкавшиеся вверх легионеры остановились и затем, стараясь не выпустить из рук щит и судорожно цепляясь за ступени, начали спускаться вниз.

Пилат хотел отдать приказ разогнать толпу, но два обстоятельства его остановили. Он никогда не видел столь странного единения. Царские сыновья и первейшие священнослужители, богатые купцы и ремесленники, крестьяне и нищие бродяги – все были полны решимости не допустить святотатства. Толпа окружила маленький отряд Пилата плотным кольцом. Задние ряды напирали, и передние – кто намеренно, кто невольно – приближались к римскому строю. То здесь, то там мелькал в лучах яркого солнца металлический блеск кинжалов. Это бушующее море грозило поглотить прокуратора вместе с легионерами, словно утлую рыбацью лодку.

Второй момент и вовсе делал такой приказ бессмысленным: он прочел на лицах своих легионеров животный страх. Огромная воинственная толпа угнетающе действовала на легионеров, они теснее прижимались друг к другу. С такими чувствами бессмысленно надеяться на успех. Увы! Только легионеры Гая Юлия Цезаря могли безропотно исполнять его волю и побеждать в любых ситуациях. За капризы Понтия Пилата никто не собирался платить жизнями.

– Стойте! – поднял вверх руки древний тощий иудей.

Толпа послушно замерла.

– Понтий Пилат! – произнес необычно твердым голосом старец. – Вероятно, ты не знал, что наш бог запрещает нам лицезреть изображения людей. Иначе бы не принес на всеобщее обозрение лик уважаемого нами императора Тиберия. Заклинаю тебя нашей покорностью императору: не нарушай обычаи отцов, которые оставались неизменными, сколько стоит иудейская земля, и соблюдались всеми царями и правителями.

Пилат вступил в полемику с этим всевластным старцем, которому покорилась даже неуправляемая толпа:

– Я не имел целью оскорбить ваши традиции. Кроме них существует римский обычай воздавать почести императору во всех провинциях.

На это Пилат получил суровый ответ:

– Перестань дразнить народ и побуждать его к восстанию! Воля Тиберия состоит в том, чтобы наши законы пользовались уважением. Если ты, быть может, имеешь другой приказ или новое предписание императора, то покажи их нам, и тогда мы немедленно отправим послов в Рим.

Перспектива объясняться с Тиберием, тем более, в деле, которое закончилось на данный момент неудачно, совсем не радовала Пилата. Еще ближе была перспектива не только не дожидаться ответа императора, но и попросту не дожить до сегодняшнего вечера. Толпа опять начала шуметь, а всевластный старец больше не прилагал никаких усилий, чтобы ее успокоить.

подавив неутоленную ненависть к подвластному народу, Пилат произнес:

– Дабы избежать недоразумений, я нарушу свой долг и не стану выставлять на улицах Иерусалима божественный лик Тиберия.

Снова взмахнул руками всевластный старец, которого Пилат успел возненавидеть всей душой, как человека, имеющего в Иерусалиме большую власть, чем он – прокуратор Иудеи. Огромная толпа, словно по команде военачальника, расступилась, образовав живую улицу для прохода когорта Пилата. Легионеры с опаской следовали среди угрюмо молчавших иудеев. Они уже не держали портреты императора высоко над головами, но несли их как обычные щиты. Иудеи дали римлянам возможность покинуть площадь и тут же разразились радостными победными криками. Они имели на них право – то была их победа над собственным прокуратором, над императором, над Римом.

Жертвы неудачного опыта – щиты с изображением Тиберия – были вывешены на стенах претория. Иудеи, вынужденные посещать резиденцию прокуратора, смотрели на них, словно на какую-то нечисть из преисподней, и долго плевались на улице, едва покинув дворец Пилата.

Прокуратор лишь ухмылялся, наблюдая за унылыми оскорбленными лицами своих посетителей. Впрочем, недолго Пилат наслаждался своей маленькой мстостью.

Прокуратор вернулся в Кесарию из вдруг опостылевшего Иерусалима, но здесь неожиданно получил продолжение его неудачный замысел со щитами, о котором Пилат благополучно стал забывать. Дворец Ирода Великого в Кесарии (и здесь он являлся резиденцией римского наместника) однажды утром окружили толпы иудеев. Оказалось, это жители Иерусалима – они пришли с просьбой к прокуратору, чтобы тот убрал щиты с изображением Тиберия из иерусалимского дворца.

Они пришли именно с просьбой, а не требованием, иногда ее подкрепляли слезами и мольбами, но никто не собирался уходить, пока Понтий Пилат не осуществит акт «доброй воли».

Пилат был возмущен тем, что ему указывают, как украшать здание, считавшееся римским преторием, и не собирался уступать наглцам. А народ тем временем продолжал прибывать из Иерусалима, к пришельцам присоединялись местные иудеи. Скоро из-за плотного людского кольца было трудно пройти кому бы то ни было в кесарийский дворец. Римляне оказались отрезанными от остального мира в собственной резиденции. Тогда Пилат собрал все свое войско и оттеснил собравшихся на арену цирка.

Теперь положение изменилось до наоборот: иудеи были окружены легионерами, они остались без воды и еды, но продолжали просить убрать щиты. Разъяренный Пилат объявил, что перебьет всех до единого, если иудеи не разойдутся. Последние падали на землю, обнажали свои шеи для удара, словно поверженные гладиаторы, и продолжали обращаться с просьбой не нарушать их древний закон.

Неизвестно чем бы закончилось противостояние прокуратора и упрямого народа, если бы в самый напряженный момент не пришло грозное послание от Тиберия:

«Убери мои изображения из Иерусалима. Разве ты не понял, что в этом нет нужды?! – грозно потребовал император – тот самый император, которого так старался возвеличить Пилат на вверенной ему земле. В конце Тиберий написал: – Мне жаль, что я в тебе ошибся, но всякому дается возможность для исправления. Не соверши больше оплошности, Пилат, – следующая может стать для тебя последней».

Пилат понял, что императору нажаловались иудеи, и судя по недовольству Тиберия, жалобу составили умело. Тогда Пилат построил в Кесарии здание вроде храма, получившее название Тибериум и посвященное известно кому; в это мемориальное сооружение с почетом внесли злополучные щиты, которые были призваны увековечить императора на земле иудеев.

Несчастный прокуратор не знал, что Тиберию была противна угодливость. Однажды один консуляр, прося у него прощения, хотел броситься к ногам Тиберия. Принцепс так отшатнулся от него, что упал навзничь. Даже когда в частной беседе либо в речи на заседании сената Тиберий слышал лесть, то немедленно обрывал говорящего и жестоко его бранил.

Тиберий не терпел лести, потому что никому не верил; собственно, он был далеко не глупым человеком и видел, что с помощью угодливости люди пытаются к нему приблизиться, получить хорошую должность, решить собственные проблемы.

Впрочем, Тиберий остался доволен изобретательным прокуратором, и то был редкий случай. Его подкупила наивная глупая искренность римского всадника, простодушное желание выразить свою любовь принцепсу. И потому Понтий Пилат еще долгие годы оставался в своей должности.

Пилату страстно хотелось оставить после себя в Иерусалиме что-то значительное, грандиозное – то, чему суждено остаться в памяти на долгие столетия. На ум ему, как назло, пришел Аппий Клавдий, соорудивший в Риме три столетия назад водопровод и построивший первую мощеную дорогу от Рима до Капуи, которая с тех пор и носила название Аппиевой.

Водопроводом прокуратор решил облагодетельствовать Иерусалим.

Исполнение замысла с самого начала не понравилось жителям города. Проект требовал много денег: их прокуратор не мог взять из императорской казны, не хотел и из своей собственной. В то же время Пилат знал, где есть необходимые средства.

Во главе тысячи воинов прокуратор приблизился к иерусалимскому храму и «убедил» первосвященника выделить денег на богоугодное дело. Работа закипела.

Водопровод брал свое начало на расстоянии двести стадий от города – там, где на поверхность выбивалось много ключей. Вода в них была чистая, холодная даже в самый жаркий день и приятная на вкус.

Пилат почти ежедневно посещал свое детище, с удовлетворением наблюдая, как змея акведука неторопливо, но уверенно ползла к Иерусалиму. С противоположными чувствами за строительством водопровода наблюдали местные иудеи. Они были в ужасе, когда ручей за ручьем, которые ранее поили их семьи, орошали небольшие поля, теперь исчезали в ненасытном жерле детища прокуратора. Через земли многих крестьян тянулся водопровод, разоряя их одним своим существованием. Несозревший урожай безжалостно вытаптывался рабочими.

Воплощая в жизнь великую цель, Понтий Пилат совершенно не заботился о пострадавших, а их становилось все больше и больше. Они собирались в толпы и сначала вполголоса обсуждали свои неприятности, потом громче – по мере увеличения единомышленников. Неведомая сила влекла их к источнику бедствий и предмету бесед – строящемуся акведуку.

Толпы местных иудеев увеличили жители Иерусалима. Казалось, их-то не должно быть среди недовольных – ведь водопровод являлся благом для города. Но присутствие горожан в среде бунтарей тайно обеспечил первосвященник и его влиятельные родственники, которым невольно пришлось пожертвовать крупные суммы на стройку Пилата, и теперь они думали не о благоустройстве города, а о мести.

Многотысячная шумная толпа окружила копошащихся рабочих; она не применяла никакого насилия, но тем не менее работы пришлось прекратить.

Взбешенный Пилат в первый момент хотел бросить на мятежников все свое войско, но опомнился также скоро, как и вспылil. Легионеров у прокуратора в подчинении имелось не более трех тысяч; их было достаточно, чтобы разогнать безоружные толпы, но слишком мало, чтобы выстоять против восстания мстительного народа. Пилат уже понял, что открыто враждовать с этими подданными римского императора себе дороже. И он нашел изощренный способ избавления от нежелательных посетителей его великого строительства.

В когортах прокуратора в основном служили выходцы из Азии: сирийцы, каппадокийцы, малоазийские греки и прочие. Их присылал наместник провинции Сирия, в подчинении которого находилась Иудея. Пилат приказал двум сотням легионеров, которые ликом были наиболее сходны с иудеями, переодеться в еврейскую одежду. Под платьем они спрятали тяжелые дубины. И вот эти оборотни приблизились к сборищу иудеев у акведука и, не вызвав никаких подозрений, окружили недовольных.

Иудеям было передано приказание разойтись, но они уже почувствовали свою силу и слова в виде просьбы или приказа не имели никаких действий. Толпа собравшихся не поняла, что для нее это было последним предупреждением. «Но так как она продолжала поносить Пилата, – описывает дальнейшие события Иосиф Флавий, – то он дал воинам условный знак, и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали как шумевших, так и совершенно невинных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко, но так как они были безоружны, а их противники вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение».

Ближайшей ночью Пилат отправил участников погрома в Сирию, попросив взамен у тамошнего наместника других легионеров. А на следующий день прокуратор вместе со всеми

иудеями переживал о случившейся трагедии. Избиение безоружных было представлено, как иудейское междоусобие противников и сторонников акведука, а потому прокуратор великодушно «простил» всех его участников.

Пилат продолжал довольно часто посещать Иерусалим и подолгу оставался в нем – особенно когда предстояли иудейские праздники, так как именно во время них случалось скопление народа, и реальной была опасность мятежа. Отныне Пилат пытался быть справедливым к жителям Иерусалима, но и это его желание осталось невоплощенным.

В один из дней к прокуратору пришла толпа иудеев. Собственно, к Пилату их не пропустила стража, но пришельцы подняли такой шум, что глава Иудеи был вынужден сам выйти к ним.

Едва он появился перед галдящими, толпа столь же дружно умолкла, как и кричала. Вперед выступил седой старец и объяснил причину визита:

– Вчера вечером два твоих воина надругались над девушкой. Мы просим справедливого суда.

– Хорошо. Если римские легионеры виновны, они будут наказаны, – пообещал Пилат. – Кто же они? Как их имена?

– Прикажи всем воинам выйти, а пострадавшая сможет опознать преступников.

Пилату не понравилось наглое требование старика, но ссориться с обидчивым народом хотелось еще меньше.

Вперед толпы вышла молодая красивая девушка. Ее достоинства лишь немного умалял заплывший от удара и отцвечивающий едва ли не всем спектром радуги глаз. Вторым, пылающим ненавистью оком пострадавшая бегло осмотрела легионеров и уверенно указала на молодого гастата. Затем бесстрашно шагнула в строй римлян и вытащила со среднего ряда еще одного легионера с расцарапанным лицом. При этом она произнесла:

– У него на лице остались отметины от моих ногтей.

– Луций! Откуда у тебя царапины? – сурово спросил Пилат.

– Позавчера ночью, возвращаясь из таверны, я угодил в куст терновника, – «признался» воин. Все же наказание за пьянку предполагалось несравненно меньшее, чем за насилие над девушкой.

– Врет! – выкрикнула пострадавшая. – Царапины свежие, они не зарубцевались.

По толпе евреев пронесся одобрительный ропот.

– Помолчи, Мирьям, прокуратор во всем разберется, и виновные будут непременно наказаны, – пообещал седовласый старейшина.

Прокуратор тем временем продолжил допрос:

– Скажи, Луций, где ты был вчера вечером?

– Весь вечер я с товарищами играл в кости и не покидал претория, – не моргнув глазом произнес расцарапанный.

– Кто может подтвердить, что ты был занят игрой, которую я, кстати, запретил в расположении претория, – ухмыльнулся Пилат.

– Да вот он. – Луций указал на гастата, которого первым опознала девушка.

– Он не может быть свидетелем, так как находится в положении обвиняемого, – недовольно поморщился прокуратор.

– Я с ними играл, – вышел из строя легионер.

– Я тоже был с ними от заката солнца и почти до утра, – подтвердил еще один воин, который был другом расцарапанного.

– И я был с ними все это время, – признался третий и добавил: – Только я не играл, а наблюдал за игрой.

– Я не могу наказать тех, на кого указала девушка. За их невиновность поручились товарищи. Возможно, она ошиблась в темноте, – предположил Пилат.

Он не слишком верил в невиновность своих легионером, но видя, с каким упорством обвиняемых защищают товарищи, не решился учинить над ними расправу. Подобное мероприятие вряд ли бы доставило ему любовь иудеев, но ненависть собственных легионеров он бы получил.

Возмущенным иудеям ничего не оставалось, как обратиться по домам.

О происшествии благополучно забыли, но Пилат ужесточил дисциплину среди своих легионеров.

Спустя месяц был праздник – день рождения императора Тиберия. По случаю его прокуратор сделал послабление, и легионеры радостно разбрелись по тавернам. Наутро в саду обнаружили трупы легионеров, на которых пало подозрение. На груди каждого было вырезано латинскими буквами «НАСИЛЬНИК». Было видно, что резали по живому: на окаменевших лицах солдат навсегда запечатлелись нестерпимая боль и ужас.

Еще спустя некоторое время легионер, давший свидетельские показания, вернулся из города с отрезанным языком. Пилат долго пытался выяснить, кто с ним так жестоко пошутил, но не добился никакого толку.

Второй свидетель ночью стоял на часах. Вдруг прилетевшая невесть откуда веревочная петля утащила его в глубь сада. Люди, закутанные в черные плащи, мгновенно лишили его дара речи, и столь же скоро растворились во мраке ночи.

Третий свидетель забился в самый дальний угол претория и перестал выходить на улицу. Периодически он умолял Пилата отпустить его в Рим, потому что у него там пятеро детей. Пользы от него никакой не было, и прокуратор дал согласие.

Бедняга добился того, чего желал, но и теперь боялся выйти на свет. Пришлось Пилату выделить для сопровождения труса двадцать легионеров. В окружении их последний свидетель благополучно покинул Иерусалим, но под Ефраимом его настигла стрела, поразившая точно в рот.

С его гибелью Понтий Пилат начал сомневаться, что его власть в этой стране что-то значит. Прокуратор все более убеждался: чем дольше он находится в Иудее, тем более непостижимым, чужим и далеким для него становится этот край.

Танец Саломеи

В то время как Пилат управлял Иудеей (по крайней мере ему так иногда казалось), на подвластной прокуратору территории шли своим чередом необыкновенные события, которые радовали одних евреев и пугали других, а впоследствии перевернут весь мир и заставят людей верить и поклоняться совсем не тому, перед чем разноплеменное население римской империи благоговело во времена Тиберия. Глас о Царстве Небесном, о пришествии на землю Сына Господа начал раздаваться среди песков и потому прошел мимо роскошной резиденции Пилата.

Иоанн жил в пустыне, носил одежду из верблюжьей шерсти, не стриг волос и не пил вина, едой ему служила саранча и дикий мед. Когда Иоанну исполнилось тридцать лет, он покинул пустыню и перебрался в долину реки Иордан. Здесь зазвучали его проповеди, призывающие к покаянию и возвещающие о скором приходе мессии. Он крестил водой в Иордане и исповедовал грехи всех, кто этого желал. Вода, смывающая грязь с тела, теперь стала символом, очищающим душу.

Его многочисленные последователи будут отличаться аскетическим образом жизни, но сам Иоанн отнюдь не призывал уединяться в пустыне, либо в тесной келье, ущемлять себя в естественных человеческих надобностях. Наоборот, проповедник в своих речах полагал, что люди будут заниматься прежними делами, жить в своих домах, что не поменяется их образ жизни. Измениться должны, прежде всего, помыслы людей; по свидетельству Иосифа Флавия, Иоанн «убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу и из благочестивых чувств к Богу собираться для омовения».

Воинам он сказал: «Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем». Мытари – одна из самых презренных профессий в древности (впрочем, тех, кто собирал налоги, не любили во все времена); им Иоанн вовсе не советует поменять род занятий, а только рекомендует: «Ничего не требуйте более определенного вам». А когда весь народ спрашивает проповедника: «Что же нам делать?», звучит ответ: «У кого две одежды, то дай нищему, у кого есть пища, делай то же». В проповедях Иоанн был разный: иногда спокойный, иногда импульсивный; его спокойное слово находило приют в добром сердце, гневно-обличающее достигало самых затаенных уголков зачерствевшей души.

Зажигательные речи пали на подготовленную почву; послушать его стекались люди из Иерусалима, Иорданской долины и всей Иудеи. Проповедник ни перед кем не заискивал, но обличал всех и вся. Досталось хранителям иудейских законов и традиций, кичившихся своей святостью и строгим исполнением религиозных предписаний. Однажды увидев многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, Иоанн сказал:

«Порождение ехидны! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: “Отец у нас Авраам”, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его; и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».

Иоанн предчувствовал скорый приход Сына Божьего, возвещал о нем людям и сразу узнал Его, появившегося у Иордана. Он пришел к Иоанну креститься и терпеливо ждал вместе со всеми.

– Мне надо креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? – удивился Иоанн, не веря своему сердцу.

– Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду, – ответил Иисус.

Тогда Иоанн крестил Его наравне с прочими, пришедшими к водам Иордана. Иисус вышел на берег, и тут Иоанн увидел, как с небес спустился белый голубь и сел на плечо Ему. Вместе с голубем пришел глас с небес: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Проповедник убедился, что пришел именно Тот, пришествие Которого он возвещал.

Иоанн исполнил свою великую миссию, он передал людям волю Бога. Пророк указал на пришедшего Иисуса: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира...»

У Иоанна Крестителя появилось много почитателей, учеников, которые считали его величайшим пророком; они не собирались покидать Крестителя и с осторожностью, ревностью и опаской поглядывали на только что явившегося Иисуса. Два проповедника – это было слишком много для иудейской земли. Миссия одного из них должна закончиться в ближайшее время; собственно, своим поведением Креститель даже не шел, бежал навстречу своей судьбе.

И сам Иоанн предчувствовал скорый свой конец. Его преданные ученики с обидой восклицали: «Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему». Креститель не разделял ревности учеников. Он счел свой долг исполненным; теперь осталось торжествовать и одновременно уходить:

«Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась.

Ему должно расти, а мне умаляться».

Недавний отшельник вошел в Иерусалим и начал свои проповеди в городе, хранившем тысячелетние традиции поклонения Богу. Проповедника с копной волос, которые не знали ножниц, спросили служители закона: кто он есть и где был доселе?

– Я человек и был там, где водил меня Дух Божий, питаюсь тростниковыми корнями и корой древесной.

– Перестань смущать народ глупыми речами, – приказали ему законоведы.

На угрозу бесстрашный Иоанн ответил:

– Это вам надо оставить свои речи, не имеющими ничего общего с замыслом Бога, и перестать творить низкие дела.

И тогда встал Симон, книжник, и произнес с гневом:

– Мы всякий день читаем божественные книги, а ты ныне вышел из леса, как зверь, и смеешь учить нас и прельщать народ непотребными своими речами?

И принялись все порицать Иоанна.

– Не откроется вам тайна, ибо вы ее не poznали. Придет на вас пагуба неизреченная, а из-за вас и на всех людей, – произнес Иоанн Креститель и покинул Иерусалим. И никто не смел ему воспрепятствовать в этом.

Иоанн Креститель призывал к праведной жизни, разоблачая зло в хижинах и дворцах. Его мощного обличительного слова не избежал и тетрарх Иудеи Ирод Антипа...

После смерти Ирода Великого в 4 г. н. э. Иудею предполагалось разделить между тремя его сыновьями: Архелаем, Филиппом и Антипой. Царский титул и верховная власть предназначались старшему из них – Архелаю (претензии на отцовскую корону предъявил также Ирод Антипа). Однако римский император Август (под протекторатом которого находилась страна) разобрался с наследством Ирода Великого, следуя своим предпочтениям: Архелай получил половину царства, вторая половина была разделена между Иродом Антипой и Филиппом, которые именовались тетрархами.

Царскую корону Август не дал никому из братьев (лишь пообещал Архелаю), а в 6 г. Иудея получила 1-го римского прокуратора, который подчинялся сирийскому наместнику. Впрочем, даже при такой расстановке сил неглупый Ирод Антипа пользовался немалым влиянием в Иудее. Он назвал свою новую столицу Тибериадой (в честь Тиберия) и отныне стал

считаться другом римского императора. Женился Ирод Антипа на дочери набатейского царя Ареты IV.

Ирод Антипа подумывал, каким бы образом получить корону, и вдруг блестящие перспективы рухнули в одночасье. Их разрушил тетрарх собственной глупостью: он влюбился в жену брата Филиппа – Иродиаду. Вдобавок женщина приходилась Ироду племянницей. Иродиаде льстило безумное чувство тетрарха, но ролью любовницы она не собиралась довольствоваться. Потерявший голову Ирод стал готовиться к свадьбе.

И ведь для подобных безумств возраст явно не подходил: к тому времени Ирод был умудренный опытом, разменявший пятый десяток лет мужчина, а предмет его страсти также находился в зрелых годах – Иродиада имела взрослую дочь. Обыкновенный человек заподозрит некое помутнение разума у тетрарха, но в скором времени зловещая пара совершит большие безумства.

Дочь набатейского царя почувствовала себя лишней в любовном треугольнике и с помощью бедуинов бежала к отцу. Роковая свадьба состоялась. Отношения Ирода с влиятельным владыкой Nabatei оказались безнадежно испорченными, брак осуждали и подданные тетрарха. Но особенно досаждал бродячий проповедник. Казалось, Ирода всегда преследовали слова, однажды произнесенные устами Иоанна Крестителя: «Не должно тебе иметь ее».

Мнение жителя пустыни, независимо от поры года облаченного в простые одежды из верблюжьей шерсти, слишком много значило в Иудее. Ирод чувствовал, какое недовольство вызывает у подданных его кровосмесительная связь, он чувствовал осуждающие взгляды за спиной. Еще больше опасался открытых обвинений в нарушении закона. Обвинитель был пока только один, но Ирод почти явственно видел стоящую за нищим Иоанном необыкновенную силу и боялся его. Тетрарх боялся даже взглядом встретиться с проповедником, который был почти вдвое его моложе.

Еще хуже чувствовала себя Иродиада. Она видела колебания нового избранника; казалось, еще немного, и тетрарх откажется от самой большой любви в жизни под грузом неразрешимых проблем. Прежний муж, Филипп, конечно же не собирался принимать назад блудливую жену. Перед женщиной, которая намеревалась стать царицей, ясно встала перспектива согласно иудейским законам быть забитой камнями до смерти. И тогда женщина взяла в свои руки поиск выхода из сложной ситуации.

По настоянию Иродиады тетрарх заключил проповедника в темницу. Она требовала казнить Иоанна Крестителя; Ирод видел рациональное зерно в желании своей возлюбленной, но не мог решиться на последний шаг... не хотел... не имел права...

Иоанн не слишком строго содержался в заточении, к нему приходили ученики, друзья, знакомые. Порой в темницу спускался Ирод Антипа, тетрарху почему-то страстно хотелось оправдаться перед этим человеком – ничего не имевшим в земной жизни, кроме жалкой одежды, а теперь лишенным и свободы. Выслушав в очередной раз обличительные речи, удрученный Ирод оставлял пленника на несколько дней, пока не придумал новый повод для оправдания своей кровосмесительной связи.

Узник спокойно переносил выпавшие на его долю тяготы, и лишь один вопрос волновал его. Однажды пророк послал двоих учеников к Иисусу спросить: Тот ли Он, Который должен прийти, или должно ожидать другого?

И дал Иисус посланникам Крестителя ответ: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромы ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют».

Ученики ушли, а Иисус раскрыл народу глаза на суть Иоанна, как на предвестника Бога на земле: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его». Иоанна начали почитать, как Ангела,

явившегося подготовить земной путь для Отца Небесного, и число почитателейросло с каждым днем.

Чем дольше находился Иоанн в темнице, тем грустнее становился Ирод – даже гораздо тоскливее было ему, чем пленнику. Затягивание с решением вопроса, наоборот, делало ситуацию безвыходной. Разрубить Гордиев узел снова взялась Иродиада.

На день рождения Ирода собралась вся знать Галилеи, прибыли гости из соседних земель. Пир был в самом разгаре, виновник торжества находился в изрядном подпитии, как впрочем, и большинство присутствующих. Актеры, фокусники, музыканты сменяли друг друга; они служили только фоном всеобщего веселья. Главное зрелище было запланировано Иродиадой.

Все затихли, когда вышла на сцену в воздушном платье дочь Иродиады. Прелестная Саломея танцевала зажигательный восточный танец. Все присутствующие замерли в восхищении от увиденного, а растроганный именинник пообещал:

– Проси все что хочешь, Саломея, все для тебя сделаю!

– И ты, повелитель, не откажешься от своих слов, когда услышишь просьбу, – проворковало прелестное создание, успевшее устроиться подле матери.

– Клянусь! – воскликнул разгоряченный обильными возлияниями тетрарх.

В это время Иродиада склонилась к дочери и шепнула два слова. Дочери осталось лишь повторить их, до конца не осознав трагического смысла произнесенного:

– Голову Иоанна.

Дворец погрузился в мертвую тишину.

– Я не ослышался? – хмель мгновенно покинул голову именинника. Он побледнел и вновь спросил: – Дитя мое, ты можешь повторить свою просьбу?

Дочь переглянулась с матерью, суровый взгляд последней придал уверенности Саломее:

– Повелитель, пусть мне подадут сейчас на блюде голову Иоанна Крестителя.

Клятва прозвучала в присутствии старейшин, военачальников и священников; Ирод не мог ее нарушить. В подземелье был послан телохранитель, и вскоре он вернулся к пирующим с окровавленной головой. Бледная Саломея с трепетом приняла страшное блюдо и поспешила вручить его матери.

Русский православный священник, которому спустя две тысячи лет также суждено погибнуть под топором убийцы, напишет:

«Так погиб “величайший из рожденных женами”. Ему было немногим более тридцати лет. Успел ли он получить ответ Иисуса? Мы не знаем. Но он умер, как жил, – нестигаемым свидетелем правды Божией».

Тело Иоанна Крестителя было отдано ученикам для погребения. А голову... Иродиада несколько дней в неистовости протыкала иголками язык пророка, затем, насытившись местью, велела закопать голову казнённого на городской свалке. Но разве можно унижить столь ничтожным способом того, кто обречен на вечную память и бессмертие?!

Понтий Пилат оказался в числе последних, кто узнал о казни проповедника; да и вообще он не подозревал о том, что Иоанн Креститель существовал в его владениях. Впрочем, не сама смерть пророка огорчила прокуратора, а то, что пал несчастный жертвой прихоти женщины. Только он – представитель римского императора – имел право отнять жизнь в этом крае; а потому кроме множества прочих у Ирода Антипы появился еще один могущественный враг.

Слепые прозревают

После крещения Иисус удалился в пустыню и постился сорок дней и ночей. Здесь Его застала весть, что Иоанн Креститель заточен в темнице.

Иисус словно ожидал этого события, чтобы начать свое служение, чтобы исполнить свое земное предназначение. Он нашел себе пристанище в небольшом приморском городке Капернауме, Его слова были обращены не к сильным мира, а к рыбакам, мастеровым, – в общем, к простому люду. Он вел беседы с падшими женщинами; с теми, которых обходили стороной уважающие себя иудеи. Терпеливо сносил Иисус насмешки книжников и фарисеев, что Он ест и пьет с мытарями и грешниками. Он нес свет в самую темень, туда, где насущные проблемы были чрезвычайно далеки от вопросов устройства мира и философских рассуждений.

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», – записано в Евангелии от Матвея. С этих слов Иисус начал свою земную проповедь. Вот такую сущую малость требовал Бог от человека: всего лишь признать свои ошибки, стать лучше, добрее... Но признаться в собственной неправоте, как оказывается, самое трудное; гораздо легче найти вину ближнего.

Иисус не устал указывать путь в Царство Небесное:

«И ходил Иисус по всей Галилеи, уча в синагогах и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их».

Проще всего заставить людей поверить в Сына Божьего – это совершить что-то необычное, неподвластное человеческому разуму; проще говоря – совершить чудо. Люди всегда его хотят и ждут, даже если оно не принесет никаких благ. Им нужен хотя бы знак, что следует идти именно в этом направлении.

Вот как, например, византийский хронист описывает интересное происшествие во время крещения Руси при князе Владимире. Киевляне были готовы к этому акту, но, чтобы развеять все сомнения, «хотели бы, однако, какое-нибудь чудо. Когда император послал туда епископа, они сказали, чтобы он бросил Евангелие в огонь. Как велики твои, Христос, чудеса! Огонь был зажжен. Епископ поднял ладони к небу, устремил взгляд туда и молвил: “Яви, Христос, Боже ты, имени своему славу”. Он положил святое Евангелие в огонь, оно же, хоть и пролежало некоторое время в огне, осталось невредимым».

Иисус также совершал чудеса. Но, не для того Он больных делал здоровыми, незрячих зрячими, чтобы люди уверовали в Его могущество. Он всего лишь помогал ближнему, Он не мог отказать страждущим, потому что сам учил других так поступать.

Более того, свои добрые дела Иисус желает сохранить в тайне. Излечив прокаженного, Он сказал: «Смотри, никому ничего не говори...»

Вернув зрение двум слепым «Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал». Но разве может человек удержать втайне свершившееся с ним величайшее чудо:

«А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле».

Иисус старательно избегает всего, что могло бы возвеличить Его над людьми, что дало бы власть над ними. Накануне проповеднического пути Он преодолел искушение властью. То было в пустыне, где постился Иисус: здесь не имелось в достатке пригодной еды и воды, днем нестерпимая жара, а ночью холод пронизывает все тело до костей. В это время является Сатана и предлагает свой путь к власти над миром: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Естественно, тот, кто обеспечил бы мир всеми благами, стал бы его правителем. Иисус отвергает такую победу: «Не хлебом одним будет жить человек...»

В другой раз Сатана предлагал власть над миром в дар, необходимо было лишь склонить перед ним голову. На это Иисус ответил: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи».

Далее Сатана приводит Иисуса на высокое крыло иерусалимского храма и предлагает броситься вниз. Ведь ангелы не допустят, чтобы Сын Божий разбился об острые камни. Люди же, когда увидят, что Он бросился с такой высоты и остался невредимым, пойдут за Ним куда угодно, исполнят любое Его повеление. Иисус ответил на это: «Не искушай Господа Бога твоего».

Он никого не принуждал, не заставлял поклоняться Богу; даже больше, Он старался сделать все, чтобы выбор был свободным, осознанным, а не навязанным извне. Он предоставлял возможность самим людям бороться с собственными слабостями и соблазнами.

Исцеляя, Он говорит: «Вера твоя спасла тебя!» Иисус не приписывает себе никаких заслуг в победе над болезнями – человек и только человек может себя спасти. И если обретший разум бесноватый не будет жить праведной жизнью – болезнь вернется с удвоенной силой.

Иисус пришел в этот мир не для того, излечить всех больных, накормить всех голодных и сделать счастливыми несчастных. Нет! Он пришел указать путь к Богу! Путь простой и короткий, понятный каждому. Он дал 10 заповедей Божьих вместо множества предписаний, которые едва ли возможно соблюсти правоверному иудею при всем желании; вместо научных трактатов богословов, которые обычному человеку постигнуть невозможно Он принес в мир краткие, как все гениальное, правила, смысл которых в состоянии постигнуть ребенок. Бог стал близок и понятен каждому. Он уже не далекий и недостижимый, но близкий и родной, и может жить в сердце каждого.

Однако из цепочки «человек – Бог» выпали посредники – целая часть народа, столетиями занимавшая привилегированное положение: книжники, различные толкователи законов, священнослужители... Терять власть, пусть даже самую маленькую, не желал никто.

Еще один ненужный пророк

Однажды к Пилату явился первосвященник Каиафа. Он был частым гостем прокуратора, и, можно сказать, – поневоле желанным. Каиафа знал местные традиции, обычаи, непостижимые для Пилата, – даже по прошествии нескольких лет пребывания в Иудее. В общем, он предупреждал Пилата, когда распоряжения того находились в противоречии с местными обычаями и законами.

Римлянин нехотя раздваивался, когда принимал скользкого как угорь священнослужителя: с одной стороны, он с трудом терпел его хитрые глаза, мягкую обволакивающую речь и умение всегда добиваться желаемого, в том числе, от него – прокуратора Иудеи; с другой стороны, Пилат часто пользовался его советами.

– Понимаешь ли, прокуратор, что значит для нас суббота? – задал вопрос Каиафа.

– О да. В субботу нельзя ничего делать, – Пилат с удовольствием обнаружил знания местных обычаев. – Даже если ягненок или человек упадут в колодец – их вытаскивать полагается только на следующий день.

– Так было тысячу лет и на том стоит Иудея, – согласно закивал первосвященник и рассказал один из случаев, чтобы подчеркнуть силу традиции. – Во время Маккавейской войны в субботу отряд воинов не бросил ни единого камня во врага, не выпустил ни одной стрелы. Они были истреблены без сопротивления, но не нарушили закон.

– Это уж как-то слишком...

– Неужели у вас в Риме приветствуют тех, кто нарушает традицию?

– Традиция иногда бывает слишком древней. Приходится менять и обычаи, когда они мешают движению вперед, – Пилат почему-то вспомнил закон о роскоши, принятый в консульские времена, который позволял семье иметь только определенное количество изделий из золота и серебра. «С этим законом ныне было бы тоскливо жить многим римлянам», – подумал он.

– Неужели в Риме не будут порицать тех, кто перестает уважать отцов, кто пренебрегает мнением старших? Разве не заслушивается в вашем сенате в первую очередь мнение принцепса – старейшего из сенаторов?

– Все правильно, – согласился на всякий случай Пилат, чтобы случайно не обидеть гостя. Хотя он не мог уловить связь между субботой и принципсом. Он вообще не мог понять, что нужно первосвященнику. Нравоучительная речь иудея начинала раздражать, и хуже всего, что это раздражение приходилось скрывать ему – римскому прокуратору.

– Я хотел показать тебе, прокуратор, что суббота для нашего народа больше, чем закон и традиция – это образ жизни. Суббота для иудеев – это как часть тела для человека. Ведь неудобно существовать без руки или ноги?

– К чему ты это рассказываешь? Разве римляне посягали на священное право иудеев? – Пилат заподозрил, что Каиафа будет обвинять кого-то из его легионеров.

– О нет, справедливейший прокуратор! – поспешил развеять сомнения первосвященник. – Своя собственная червоточина поразила наше дерево, причем страдает нижний венец сруба. Если не удалить заразу, может рухнуть все здание.

– Довольно говорить загадками, уважаемый Каиафа, – устал от эзоповых речей собеседника прямолинейный Пилат.

– Дело в том, что у нас появился пророк.

– Не особенно ты меня удивил.

– Действительно, – согласился Каиафа, – у нас всегда хватает разного рода прорицателей, пытающихся предсказать будущее, но этот тем отличается, что пытается разрушить настоящее.

– Уж не желает ли он отнять у тебя власть?

– Этот поступает мудрее, он извращает священную книгу иудеев, подпиливает сваи, на которых держится все. Иисус из Назарета – так его зовут – исцеляет больных и этим обретает себе почитателей.

– Он совершает хорошее дело, а врачей и в Риме уважают.

– Если бы Иисус лечил только тело... – вздохнул священник. – Он утверждает, что лечит душу... да и тело не лекарствами спасает, но словом.

– Продолжай, – произнес Пилат. Он еще не понял, каким образом Иисус насолил первосвященнику, но прокуратору стал интересен наконец-то его рассказ.

Каиафа, к сожалению Пилата, не стал раскрывать секреты исцелений, но переключился на другое – то, что волновало его гораздо больше, чем чудесное спасение безнадежно больных людей.

– Однажды в субботу шел Иисус с учениками по пшеничному полю, и были они голодны. Ученики начали срывать колосья, мять в руках и есть. Фарисеи сделали им замечание, что в субботу нельзя собирать урожай и заниматься его обмолотом. На это Иисус ответил, что в свое время царь Давид вошел в дом Бога и взял хлеб, который никто не должен есть, кроме священников. И накормил им своих людей.

– Если они умирали с голода, то спасение человека не важнее ли всех условностей? – не удержался Пилат. – Да разве Бог не возрадуется, когда принадлежащее ему сохранит чью-то жизнь?

Каиафа от философствований прокуратора нахмурился, словно наставник, выслушавший ответ самого бестолкового ученика.

– Правила имеют исключения, – пояснил он, – но Иисус желает само правило сделать исключением. «Суббота для человека, а не человек для субботы», – объявил он фарисеям.

– Понимаю причину твоего возмущения, – по крайней мере Пилат сделал вид, что понимает, хотя ему совершенно не хотелось вникать в тонкости иудейских предрассудков.

– В субботу в храме находился человек, у которого одна рука была иссохшая, – продолжил страшные разоблачения первосвященник. – Иисус велел стать ему на средину храма. Фарисеи поняли, что тот желает совершить исцеление, и начали рассуждать: можно ли творить добро или зло в субботу? Не погубит ли души спасенное тело?

– Продолжай, продолжай, Каиафа, – поторопил сделавшего паузу рассказчика Пилат, которого внезапно охватил интерес к событиям в храме.

– Иисус с гневом обратился на фарисеев, скорбя об ожесточении их сердец, затем приказал больному протянуть иссохшую руку. И обе руки стали одинаковые.

– В мгновение он излечил больную руку?! – воскликнул изумленный Пилат.

– Он сделал это в субботу, в храме, при стечении народа, – не обратил внимания на удивление прокуратора Каиафа. – Да разве нельзя было исцеление отложить до следующей недели, следующего дня? Ведь человек много лет не мог пользоваться рукой, и несколько дней ничего бы не изменили...

– Этому человеку место в императорском дворце, среди лучших врачей империи! – воскликнул прокуратор.

– Да разве ты не видишь, Понтий Пилат, что Иисус именно того и добивается: сначала получить известность и славу, а затем разрушить наш мир – мой и твой мир. Он уже принес в Иудею раздор. Фарисеи составили заговор со сторонниками Ирода с целью погубить Назарянина. Но Иисус с учениками удалился к морю, и за ними последовало множество народа из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи. И живущие в окрестностях Тира и Сидона присоединились в великом множестве. Там Иисус продолжал исцелять; достаточно было прикоснуться к нему, чтобы избавиться от страшных язв.

Да! Он обладает некой неведомой силой, но она не от нашего Бога. Иисус смеется над книжниками-фарисеями, которые из столетия в столетие передают мудрость предков и пра-

вила существования, данные нам свыше. Он нигде не учился, не познал наших законов, но смеет проповедовать и оскорблять наших старейшин. Его слова расходятся с Ветхим Заветом, и потому сей проповедник – смутьян и бунтовщик.

– Чего ты желаешь от меня? – совершенно отказывался понимать первосвященника римлянин.

– Его необходимо навсегда убрать из этого мира, – непривычно прямолинейно и сурово промолвил всегда скользкий первосвященник.

– Ты желаешь, чтобы мои когорты воевали с разноплеменным сборищем? Ты желаешь, чтобы мы уничтожили того, кто совершает чудеса? Чтобы римлян возненавидел весь Восток? – подозрительно произнес Пилат. – А ведь по части преждевременной кончины неугодных... вам нет равных. Помнится, так никто и не ответил за убийство римских легионеров, на которых указала иудейская девушка.

– Слишком поздно, – сокрушенно промолвил Каиафа. – Простое убийство ничего не изменит, но принесет лишь ненависть по отношению к нам, как ты заметил. Его уже почитают как Бога, а после смерти объявят, что он ушел на небеса.

– Да так ли опасен человек, творящий добро? – неуверенно спросил Пилат.

– Это и есть самое опасное. Помогая, он притягивает к себе бесчисленное множество людей, которых может в любое время поворотить в нужную ему сторону. Его необходимо уничтожить руками самих иудеев. Все должны убедиться, что это человек, а не Бог; что, как все смертные, он страдает и умирает, что отправляется в обычную могилу, а не на небо. Он не должен жить после смерти.

– Возможно, ты и прав, – начал колебаться прокуратор, – но закон требует для суда настоящее преступление. Ты верно заметил, Каиафа, что многие люди в детстве и юности обнаруживают дурные задатки, и чаще всего они вырастают плохими гражданами, но это не повод судить их за будущие преступления.

– Разве мало того, что этот человек грозился разрушить Иерусалимский храм?

– И сколько камней он вынул из основания храма? Какая часть его рухнула?

Каиафа молчал. Про опасность этого человека для Иудеи он все рассказал, и повторяться не хотелось. Первосвященник собирался с мыслями, но уставший прокуратор не позволил ему делать это долго.

– От меня что нужно первосвященнику? – повторил однажды уже заданный вопрос Пилат.

– Всего лишь исполнить свои обязанности. Судить преступника и определить ему меру наказания.

– Если человек виновен, то он не избежит наказания, – пообещал прокуратор. – Однако я не услышал ничего, что бы могло составить обвинение. Помощь людям достойна лишь похвалы.

– Его вина будет доказана так, как требуют твои законы, – в свою очередь, пообещал первосвященник.

Пилат достаточно хорошо знал собственные законы. Он согласно кивнул головой, однако при этом, не удержался: наивность Каиафы вызвала презрительную ухмылку прокуратора.

– Еще одна просьба... – не унимался первосвященник. – Считанные дни остались до главного иудейского праздника – Пасхи. Иисус непременно должен быть осужден и вычеркнут из числа живых до этого праздника.

– К чему такая спешка, дорогой гость? – искренне удивился прокуратор.

– На Пасху в Иерусалим приходят иудеи со всех концов земли. Пророк из Назарета непременно будет пытаться удивить народ своими чудесами. И до сих пор силы, враждебные Иудеи, помогали ему обманывать народ. Теперь представь, дорогой Понтий Пилат, что произойдет, если Иисусу удастся завоевать сердца не только жителей твоего прокураторства, но и палом-

ников из Рима, Александрии, Антиохии, Эфеса... Иудеи пойдут войной против своих братьев. Этот мессия ввергнет мир в хаос. Хуже всего, что его последователи не признают чужих богов; и эта ненависть будет поднимать мятежи по всей Римской империи. – Каиафа упрямо рисовал жуткую картину, однако прокуратору почему-то вспомнилось, с какой неохотой и брезгливостью первосвященник переступал порог его жилища, с каким отвращением отводил глаза в сторону, когда на его пути оказывалась статуя Марса.

– Тебе будет нелегко управиться в столь краткий срок, – лишь притворно посочувствовал Пилат.

И они расстались: один с полной уверенностью, что римлянин поможет уничтожить врага; второй, с той же уверенностью, что не будет этого делать, но, наоборот, постарается сохранить человека, обладающего необыкновенным даром. Впрочем, Пилат надеялся, что первосвященнику не удастся надеть кандалы на человека, пользующегося таким почетом в Иудее, и рассматривать вопрос не придется из-за отсутствия обвиняемого.

Понтий Пилат недооценил первосвященника Иудеи, возможностей его родственников и приближенных, хотя часто сталкивался с весомыми результатами их деятельности.

Могущественный саддукейский клан недолюбливали как иудеи, так и римляне. За полтора десятка лет до описываемых событий первосвященник Анна (Ханан бен Шет) был смещен римлянами. Избавиться от соперника таким простым способом не удалось. Анна продолжал незримо править Иудеей через многочисленных родственников, нынешний первосвященник – Каиафа – приходился Анне зятем. Прежний владыка душ настолько явно и часто исполнял обязанности Каиафы, что иудеи часто говорили «наши первосвященники», хотя эту должность по закону обязан исполнять один человек.

Схваченного с помощью предательства Иисуса судил Малый Синедрион, состоявший из 23 человек. Священники и старейшины – все они принадлежали к клану саддукеев. Не было даже фарисеев. Хотя последние также были бы рады избавиться от нового проповедника, но слишком уж щекотливый вопрос решался. А все важное привык решать сам Анна в тесном кругу приближенных.

И среди единомышленников Анны были колеблющиеся, имелись и те, кто испытывал к Иисусу искреннюю симпатию. Не только свое мнение выразил признанный знаток священных текстов и толкований их:

– Слишком много пророков было не узнано нашими предками, с ними обходились хуже, чем с врагами, – горестно промолвил Давид. – А потом народ платил за свою глупость страшную цену. Жестокие завоеватели гоняли иудеев по необъятной земле, словно листья дерева, сорванные ураганом. Наш храм лежал в руинах, за грехи наши Бог допустил и это ужасное действие. А потому иудейский закон стал гораздо добрее к мессиям, которые часто являются на нашу землю, которую Бог не оставляет без своего покровительства. Мы не можем отправить на смерть даже лжемессию, если он искренне верит в то, что он послан Богом. Только если суд докажет, что человек сознательно обманывает и вводит в заблуждение иудеев, – тот заслуживает расплаты: «Если кто-то скажет от Имени Моего, а Я ему этого не говорил, подлежит смерти».

Возражение было произнесено неуверенно, – не потому что старец сомневался в своей правоте, но потому, что всемогущий Анна думал по-иному, и это видели все.

– Почтенный Давид. Мы все почитаем тебя как мудреца и хранителя истины. Мы часто спрашиваем твоего совета по самым сложным вопросам и всегда получаем верный ответ. Ты прекрасно знаешь, что ни египетский, ни вавилонский плен, ни рассеяние и рабство не уничтожили наш народ. А почему?! Потому, что иудеи были непреклонны, а порой и жестоки с теми, кто пытался их расколоть, нарушить единство. Наша стойкость вызвала благословение

Господа, и Он внушил царю персидскому Киру вернуть иудеев в свое отечество и восстановить их храм.

И ты не можешь не знать: когда дело касается интересов всего народа, даже Глас Неба не принимается в расчет. Впрочем, не стоит тревожить Господа всякий раз, ибо он дал однажды и навсегда правила жизни. Все мы знаем притчу о раби Элиэзере, который вел спор с мудрецами, в сущности, по незначительному вопросу.

Раби Элиэзер исчерпал все доводы и в отчаянии поднял свой взор к облакам: «Если я прав, то пусть само Небо подтвердит мою правоту!»

Раздался Голос с Неба: «Зачем противитесь вы словам Элиэзера? Ведь закон на его стороне!»

Спорщиков и это не остановило. «Не на небе Тора, а в руках мудрецов», – произнес раби Иехошуа. А Раби Йермияху пояснил: «Тора была дарована нам на горе Синай. И после ее дарования мы уже не принимаем во внимание Голос с Неба потому, что в Торе сказано: по большинству склоняться».

Встретился после этого раби Натан с пророком Элияху и спросил: «Как отнесся Всевышний к этому спору?»

Ответил Элияху: «Улыбнулся Господь и сказал: “Победили Меня сыновья Мои, победили Меня!”»

Суд Пилата

Спустя несколько дней служители первосвященника Каиафы доставили в преторий Пилата человека. Они долго стояли у дверей, не смея войти внутрь, чтобы не оскверниться перед Пасхой. Переступить порог дома, где обитают язычники, они не могли; тем более теперь, когда Каиафа потратил столько усилий на доказательство непорочности их древних законов.

Пришедшие терпеливо приглашали Пилата выйти и столь же терпеливо его ждали, а он все не шел. Прокуратор словно чувствовал, что если выйдет, вся жизнь его перевернется, что он лишится покоя до конца дней своих; и после смерти станет ненавидимым всем миром.

Наоборот, Понтий Пилат и вовсе застыл на месте, когда узнал причину посольства от первосвященника. К его несказанному удивлению, сообщили, что приведен Иисус из Назарета к нему на суд. Наконец Пилат снизошел до посетителей, но вершить суд у него по-прежнему не было никакого желания.

– В чем обвиняется этот человек? – спросил он, окидывая тревожным взглядом всю компанию. – Уж не хотите вы сказать, что сей кроткий юноша – страшный разбойник?

– Мы бы не пришли к тебе, если б он не был опасным злодеем, – начал терять самообладание помощник Каиафы и пояснил: – Это Иисус из Назарета. Мой господин сказал, что тебе известна его вина.

– Так возьмите злодея себе и судите по вашим законам, коль он их нарушил. – Пилат попытался избавиться от посетителей таким способом.

Попытка не дала результата, и прокуратор услышал в ответ:

– Мы не имеем права, потому что нам не позволено предавать смерти. А меньшего он не заслуживает.

Затем Понтию Пилату передали список преступлений, которые числились за Иисусом, а также личную просьбу первосвященника: обвиняемый должен быть казнен как можно скорее.

По своей привычке не накапливать нерешенные вопросы, Пилат, несмотря на полное отсутствие желания, сразу приступил к делу. (Впрочем, у него, конечно, был интерес к Назарянину, но совсем другого рода.)

– Правда ли, что ты назывался царем иудейским? – прокуратор начал допрос утомленного человека.

– Так назвал меня ты. Царство Мое не на этой земле, оно может принадлежать любому. Каждый человек на земле сам избирает: в каком царстве ему жить.

– Всякий человек рождается в том государстве, на земле которого стоит дом его родителей. Как не выбирают отца, так не выбирают и правителя, стоящего над ним, землю, на которой раздался первый крик рожденного, – уверенно произнес Пилат.

– Человек избирает свой земной путь: в царство света или тьмы.

– Так ты царь? – не понял прокуратор: здоров ли человек, стоящий перед ним.

– Я царь истины и слуга ее.

– Говорят, ты возмущался против цезаря?

– У Меня нет на то причин. Цезарю – цезарево, а Богу – Богово.

– Говорят, ты излечил многих больных, у которых не было надежды на выздоровление?

– Господу было угодно, чтобы здоровье вернулось к этим людям.

– И ты можешь излечить любого человека?

– Человек может излечить себя сам. Каждому воздастся по вере его.

– Мне говорили, что именно ты исцелил от недугов множество больных и калек, – подозрительно посмотрел на Иисуса Понтий Пилат.

– Отцу Небесному через Меня было угодно передать свое расположение к этим людям.

– Ты можешь излечить, скажем, римского императора? – прямо спросил совсем запутавшийся прокуратор.

– Он сам излечится, если уверует в Отца Небесного, если примет Его закон жизни. Если этого не случится – Я бессилен.

– Да в своем ли ты уме, назарянин! Ты хочешь, чтобы император уверовал в иудейского бога?

– Отец Небесный один для всех.

– А как же римские боги, которым поклоняются мои соплеменники столько, сколько стоит мир?!

– Их придумали люди, не познавшие Отца Небесного.

– Я прошу тебя, Иисус из Назарета: забудь последнее, что ты сказал. – Пилат вдруг испугался за человека, которого ему надлежало судить. – Римляне позволяют иудеям поклоняться своему богу, они чтят чужих богов, но никому не дозволено презрительно отзываться о их собственных богах.

– Я не скажу, если меня не спросят.

– А если зададут подобный вопрос? – продолжал сомневаться Пилат в благоразумии собеседника.

– Человек обязан говорить правду.

– Занятие не самое лучшее. Часто оно заканчивается большими или малыми неприятностями. В твоём случае откровенность может стоить жизни. Надеюсь, ты меня понял...

Пилат давно осознал, что приговорил к смерти несчастного не суровый закон, а зависть и осторожность высоких иудейских иерархов. В худшем случае он обычный сумасшедший... Впрочем, не совсем обычный, – Пилат чувствовал за Иисусом какую-то неведомую силу. Но легче от этого не стало...

Важность приговора прокуратор понял уже потому, что едва он закончил допрашивать обвиняемого, как пожаловал гонец от первосвященника. Пожаловал в то время, как прокуратор думал, как бы испытать целительную силу пленника, он уже мечтал о том, как привезет Иисуса в Рим, как он излечит императора Тиберия... Назойливый Каиафа интересовался, убедился ли прокуратор в виновности Назарянина.

Пилат взял под стражу Иисуса, но понимал, что долго тянуть с принятием решения он не сможет.

И тут Пилату пришла замечательнейшая (как ему самому показалось) мысль. Он был страшно недоволен Иродом за убийство Иоанна – демонстративное, во исполнение женского каприза, без дозволения на то римского прокуратора. С другой стороны, он не мог наказать Ирода, так как тот пользовался расположением императора Тиберия. А хотелось бы...

Поступок Пилата внешне выглядел вполне естественным, так как Иисус происходил из Галилеи, а эта область подчинялась Ироду. Как раз Ирод накануне Пасхи прибыл в Иерусалим и остановился в Хасмонеysком дворце.

Пилату как раз донесли, что Ирод ужасно боялся Иисуса; кто-то внушил этому царьку, что Иисус и есть воскресший пророк Иоанн Креститель. И вот Понтий Пилат приказал отправить Иисуса Ироду, с тем чтобы тот расследовал дело и вынес приговор. Поскольку тетрарх не имел права вынести смертный приговор, и во второй раз уж точно не решится на противозаконное действие, то сей пророк останется жив. По замыслу отношения Ирода должны безнадёжно испортиться с иерусалимскими первосвященниками или с Тиберием. В любом случае тетрарх окажется в безвыходном положении.

Ирод оказался умнее, чем рассчитывал Пилат. Спустя недолгое время люди тетрарха привели Иисуса обратно прокуратору. Пророк был одет в новую праздничную одежду, умащен благовониями.

– Наш господин не нашел вины за этим человеком, – передал слова Ирода один из сопровождающих.

Такое совпадение мыслей даже расположило Пилата к тетрарху. Но вопрос с пророком так и остался нерешенным.

Первосвященник, словно надоедливая муха кружил подле прокуратора. Его писклявый голос стал ненавистен Пилату. Он никогда не видел иерарха в таком состоянии. Всегда горделивый, властный – он даже с римским наместником держал себя надменно. Ранее прокуратор спокойно переносил эту надменность, потому что первосвященник имел огромную власть на этой, непонятной ему земле. Каиафу не любили иудеи, но покорно исполняли его волю; его приказы принимали как должное единоверцы в Европе, Азии, Африке – словом, где бы они ни находились. Он был истинным властелином, и римский наместник, абсолютно не уязвляя собственного самолюбия, исполнял все его просьбы, иногда звучавшие как приказ. Прокуратор чувствовал силу и власть человека, за которым не стояли легионы, который едва ли когда держал в руках меч – это невольно внушало уважение... До сегодняшнего дня.

– Он должен немедленно умереть, – твердил едва не плачущий иерарх. Казалось, еще немного, – и он упадет перед римлянином на колени.

– Я не уверен в виновности бродячего философа, – промолвил Пилат, почти открыто наслаждаясь растерянностью высокого гостя.

– Помилуй, прокуратор! – вскричал еврей. В следующее мгновение он и сам осознал, что ведет себя неправильно. Чтобы добиться желаемого, Каиафа наконец предпринял попытку усмирить свои разбушевавшиеся эмоции и начать убеждать железного прокуратора точно такой же логикой.

– Кого помиловать? – изобразил недоумение Пилат. – Я тебя не отправлял на казнь, а этого человека мгновение назад ты просил не миловать, но казнить немедленно.

Первосвященник не обратил внимания на шутку даже из вежливости, не до них ему было.

– Именно немедленно, иначе римская провинция окажется в огне.

– Что за угроза?! Я имел с ним беседу, и человек, крови которого ты жаждешь, показался мне самым безобидным из тех, кого я знал. Разве римский прокуратор может отправить человека на смерть, будучи не уверенным в его вине?

– Ты самый справедливый человек на земле! Ты никогда не нарушишь закон в угоду даже, пусть простит меня Тиберий, императору, – первосвященник почтительно склонил голову на последней фразе. – Я не принес тебе золота за благоприятное решение вопроса не потому, что пожалел, но потому, что бесполезно. Но разве не заслуживает смерти тот, кто объявил себя царем иудейским?

– Он не считает себя им. Иисуса не интересует богатство и власть. Поверь моему опыту.

– Власть его огромна. Иудеи верят, что Иисус может спасти от болезней, от голода, что может подарить им вечное счастье. Они чтут его как посланника Бога.

– Я слышал, что он творит только добрые дела. Неудивительно, что такого человека любят. Но никто, кроме тебя, не утверждал, что он недоволен нынешним тетрархом, либо императором. За добрые дела нельзя убивать.

Понтий Пилат, конечно, подозревал, что иудейские священники и старейшины уже приговорили Иисуса и не остановятся ни перед чем, пока не добьются своего. Вернее, приговорил их страх, их опасение, что народ пойдет за Иисусом, а они – лучшие люди Иудеи – окажутся не удел. В доме своего тестя первосвященник Каиафа произнес, что лучше одному человеку умереть за народ, чем погибнуть народу из-за одного человека.

– Его почитают как царя Иудеи. И в один страшный день чернь возложит на голову Иисуса корону, – предположил священник.

– Если кто-то произнесет, что ты, первосвященник, желаешь короны, значит ли это, что топор ликтора должен отделить твою голову от туловища? Нельзя казнить человека за то, чего он не делал.

Пилат никогда не испытывал таких трудностей, принимая решение. Он привык действовать мгновенно в пылу битвы; там по-иному поступать нельзя: для воина промедление – смерть, для военачальника – поражение. Тиберий в общем-то не ошибся в выборе: на государственной должности он в конце концов научился мыслить едва ли не с быстротой военачальника. Но это был один из тех немногих случаев, когда любое решение казалось наихудшим.

Ему не хотелось ссориться с первосвященником, а также иудейской знатью, которая воспыкала лютой ненавистью к безобиднейшему человеку. Их власть над умами и сердцами иудеев была огромной, отказ первосвященнику мог пошатнуть римское владычество на Ближнем Востоке. Пилат вспомнил, какие надежды возлагал Тиберий на него, и он не мог их не оправдать. Дело даже не в том, что император не простил бы ему мятежа в этом благодатном крае...

С другой стороны, он не видел никакого преступления за человеком, крови которого жаждали первосвященник и еврейские старейшины. Более того, человек был глубоко симпатичен и мог оказаться полезным в будущем. Пилат все же надеялся, что этот человек наделен даром исцеления и что его возможности со временем можно будет использовать по собственному усмотрению. Прокуратор надеялся найти общий язык с этим безобидным пророком, хотя на первых допросах его стремления не нашли понимания у Иисуса. А Тиберий, по слухам, страдал многими болезнями...

Было слышно, как перед домом шумела огромная толпа. Погрузившийся в раздумья Пилат даже не заметил, как первосвященник подошел к окну и начал делать рукой какие-то знаки. Голоса стали громче и дружнее: «Распни его! На крест! На крест!»

– Решай же что-нибудь, прокуратор! Еще немного, и толпа станет неуправляемой! Боюсь, они растерзают и меня, и тебя, – торопил Каиафа. Голос его звучал увереннее, дружные крики за окном придали сил.

– Я знаю, что делать, – произнес Пилат.

Бедняга не без оснований опасался толпы и ненавидел ее. Именно в Иудее Понтий Пилат познал всю ее мощь. Только в отличие от римской иерусалимская толпа представляла собой не массу больших и маленьких камней, но огромный монолит, готовый обрушиться на каждого, не разделяющего ее мнения. Причем эта глыба обнаруживала поразительную готовность трагического саморазрушения при столкновении с препятствием; лишь не готова она изменить путь до тех пор, пока препятствие не исчезнет само собой, пока противник не уступит безумной силе толпы. Прокуратор не понимал, что заставляет массу людей совершать безумные поступки, противоречащие человеческому естеству. Спустя две тысячи лет русский священник А. Мень в одной фразе объяснит поведение людской массы: «В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов». Хотя и во времена Пилата, и до него умы коварные с успехом использовали животные инстинкты толпы: толпа давала римское консульство ничтожествам, которые мыслили ее категориями, либо народ покорно шел на бойню вслед за очередным тираном, жаждущим покорить мир. Но Пилату были неведомы механизмы управления этой людской массой, которая не единожды презирала римского прокуратора вместе с императором, легионами и всеми законами.

– Каким будет твое решение? – не терпелось первосвященнику.

Пилату хотелось немедленно освободить Иисуса, он знал, что казнить пророка – это несправедливое и противоречащее закону решение, но в памяти возникли исполосованные

тела римлян. Ему не хотелось вставать на пути этих мстительных людей, он желал покоя. Но прокуратор не мог ради собственного благополучия пожертвовать жизнью невинного человека, который был ему глубоко симпатичен. Он вручил Иисуса разуму его же соотечественников, в душе не сомневаясь о благоприятном результате. Он уже явственно видел, как благодарные евреи откажутся казнить человека, сделавшего им столько добра, как первосвященник получит удар не от него, а от собственного народа, как рухнут планы самого хитрого и коварного иудея из всех иудеев.

– Принимать решение будете вы! Иди и собери народ, а я прикажу вывести Иисуса. Будет громче голос за жизнь – сохраним, если за смерть – то и будет смертным приговором, – промолвил довольный собой Пилат.

Прокуратора несколько насторожило, что его слова вызвали радость на лице первосвященника, хотя повода к ней быть не могло.

В плену традиций

Ко времени описываемых событий иудейский народ был опутан множеством предписаний, условностей. Исходили они от книжников, первосвященников, которые взяли на себя обязанность толкования священных преданий. Вера в Отца Небесного, принятая в первоизданной простоте, с каждым столетием усложнялась.

Иногда сложности диктовались особенностями исторического момента, и с точки зрения логики были необходимы. Со временем необходимость их строгого исполнения отпала, но... они продолжали жить и давить своей неподъемной тяжестью. «В частности, – пишет А. Мень, – это касалось ритуальных ограничений в пище. Эти законы были введены в древности для отделения ветхозаветной Церкви от иноверцев. Но с каждым поколением они усложнялись, став под конец трудновыполнимой системой табу. Хотя деление пищи на “чистую” и “нечистую” исходило из Библии, Иисус со всей решительностью объявил его устаревшим. “Нечистыми” могут быть только мысли, побуждения и поступки людей”».

Иисус пришел не отменить Священное Писание, но, как Он сам сказал, исполнить его. Законы Моисея необходимо было очистить от сотен и сотен фарисейских толкований, ставших обязательными для исполнения, но из-за своей многочисленности и сложности заведомо ведущих к греху. Условности препятствовали творить добрые дела, и нарушать их требовала сама жизнь, само человеческое естество. Потому Иисус не придавал значения многим требованиям фарисеев. Он проповедовал, что каждый должен принести Богу свою душу, а обрядам придавал мало значения. Иисус стремился вернуть чистоту древнего Библейского закона, однако сделать это оказалось не просто. Ведь нет ничего более сильного, чем многовековая привычка.

Новое всегда пугает; должно пройти немалое время, чтобы к нему привык столь консервативный народ, как иудеи. Иисус же предложил совсем иные отношения между людьми, новое видение идеального человека:

«Вы слышали, что сказано древним: “не убивай, кто же убьет, подлежит суду”.

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...

Вы слышали, что сказано древним: “не прелюбодействуй”.

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем...

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует...

Вы слышали, что сказано: “око за око и зуб за зуб”.

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

И кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...

Вы слышали, что сказано: “люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...

Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Неискушенному человеку исполнение этих заповедей может представиться нещадным насилием над собой. Нет! Никакого насилия совершенно не предполагается. «Люби Бога, и тогда поступай как хочешь», – такую формулу вывел Блаженный Августин. То есть искренне

(а не формально) познавший Создателя, не может поступать иначе без всякого принуждения, не может сделать зло другому человеку (даже совершающему зло), ибо он – также творение Господа, пусть еще блуждающее во тьме и не нашедшее к Нему дорогу. К плохому человеку, соответственно, следует относиться как к путнику, потерявшемуся в лесу. Разве каждый из нас не поможет ему выйти из дебрей, если знает дорогу?

Иудеи гордились своим гуманизмом: зуб за зуб – это действительно более чем справедливо; у других народов за выбитый зуб приходилось расставаться с десятью своими, а то и вся челюсть шла в качестве платы. Но если зуб выбит случайно? И если выбит он во время вспышки гнева, а через мгновение человек тысячу раз пожалел о содеянном? Однако неумолимый закон требует жертву, справедливая месть порождает новую обиду, новую вражду.

А ведь человек несовершенен: он обречен совершать ошибки, и едва осудив чужие грехи, сам оказывается судим. Замкнутый беспощадный круг. Но насколько добрее бы человек относился к людям, к миру, если б получил прощение – совсем незаслуженное? И как бы он старался не повторить зло?!

Иисус призывает:

«Не судите, да не судимы будете.

Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?»

Увы! Такие жизненные правила иудеи не готовы были принять, как не готовы спустя две тысячи лет и мы жить по закону Божьему. Святая простота все также непостижима, все также далеко человечество от заповедей, объявленных Сыном Божиим.

«Бой с демонскими полчищами, с царством зла будет нелегким. Против Мессии восстанут все безумства, все грехи и предрассудки, укоренившиеся в людях», – пишет А. Мень.

Прямота Иисуса пугает иудеев, а слова, подобные этим, приводили в ужас людей, у которых семейные традиции ценились всегда слишком высоко:

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

И враги человеку – домашние его.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

Трусливые люди были устрашены, однако мятежные души стали надеяться, что Иисус поднимет бунт, изгонит ненавистных римлян, сборщиков дани и установит справедливое царство. Надежды последних также не оправдались.

Апофеоз борьбы Иисуса – это изгнание торговцев из Иерусалимского храма и его предместья. Он взял бич и погнал за храмовую ограду овец и волов, и «войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул». Гневно прозвучал Его глас:

«Не превращайте Дома Отца Моего в дом торговли!»

Никто не посмел возразить справедливому требованию. Однако служители храма затаили смертельную ненависть, потому что торговля приносила им баснословную прибыль, особенно в дни празднеств – когда к храму стекается вся Иудея. Еще более вызвало их ненависть то, что человек, не имеющий никакого отношения к их касте, объявляет себя Сыном Божиим.

Иисус разочаровал иудеев своим обликом, своей кротостью. Приход Мессии все связывали с катастрофами, все ждали грозного судью, который мгновенно уничтожит зло и установит царство справедливости. Ничего похожего не случилось. А ведь Сын Божий пришел именно таким, каким его представил ветхозаветный пророк Исаия:

«Вот Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд;

Не возопиет, и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах;
Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит».

Но люди позабыли слова древнего пророка, потому что представленный им облик сильно отличался от того, что нарисовало человеческое воображение. Бог должен быть настолько силен и грозен, что должен немедленно умереть каждый смертный, увидевший Его.

Свой путь в Иерусалим Иисус проделывает почти тайком, сторонясь известных оживленных дорог и крупных городов. Он решил остановиться на ночлег в самарянской деревне и послал вперед учеников подготовить место. Но самаряне⁹ отказались принять паломников. Так было не впервые, потому что разозленные Иаков и Иоанн произнесли слова, никак не соотносящиеся с тем, чему их учил Иисус:

– Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?

Лишь Он не поддался искушению:

– Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать.

А как же многочисленные чудеса, творимые Иисусом? Хотя Он и желал сохранить втайне добрые дела свои, но человеческой натуре привычно делиться и горем с ближним, а радостью, тем паче. Уж многие спасены от смерти, избавились от неизлечимых болезней – все это должно доставить Иисусу безмерную любовь и уважение со стороны иудеев. Но... Фарисеи¹⁰ таким образом объяснили чудеса, что Иисуса стали бояться даже спасенные и излеченные.

Книжники и сами не понимали все происходящее вокруг Иисуса, а потому решили вопрос простым способом; было объявлено, что Иисус «изгоняет бесов силою князя бесовского».

Авторитет фарисеев был велик, а все непонятное вызывает страх без особых усилий. Однажды, после одного из совершенных чудес, навстречу Иисусу вышли все жители города и просили... «чтобы Он отошел от пределов их».

Земной круг Иисуса замыкался, Он был нежеланным в Иерусалиме и прочих городах; Ему не было места на земле Ирода. Последнему привиделось, что это проповедует казненный им и воскресший Иоанн. Скорбно молвит Иисус: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову».

Наполеон Бонапарт долго и упорно пытался покорить мир силой своего ума и оружия. В конце жизненного пути он, отверженный этим миром, оказался на пустынном острове и предавался размышлениям. Лишь тогда завоеватель понял тщетность своего замысла и осознал всю силу подвига Иисуса, все трудности его пути:

⁹ Самаряне (самаритяне) – народ в Центральной Палестине (западная часть современной Иордании). Возник в результате смешения вавилонян с местным населением после захвата Палестины царем Саргоном в 722 г. до н. э. Самаряне приняли иудаизм, но после разрушения Иерусалима и «Вавилонского пленения» (586 г. до н. э.) основали свой храм на горе Гаризим.

¹⁰ Фарисеи – общественно-религиозная группа в Иудее во II в. до н. э. – I в. н. э. Называли себя «мудрецами», «писцами». К ним принадлежали различные по роду занятий люди: землевладельцы, ремесленники, торговцы, ученые-книжники. Фарисеи претендовали на роль учителей еврейского народа, толкователей Торы; они же регламентировали поведение иудеев, выступали хранителями законов. Постепенно из комментариев фарисеев к письменной Торе выросла устная Тора. Поскольку власть (и царская, и римская) не разделяла учения фарисеев, то и они враждебно ставились к ней. В свою очередь, народ с почтением относился к фарисеям. Фактически фарисеи явились протестантами иудаизма. Они создали свою религиозно-философскую школу и пытались лишить саддукеев монополии на отправление культа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.